

Искорка

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

К борьбе за дело Коммунистической партии будь готов!

Год издания VI

№ 3

Март 1962 г.

Искорка

Ежемесячное приложение к газете
пионеров и школьников
«Ленинские искры» — орган
Ленинградского Обкома и Горкома ВЛКСМ,
Ленинградского Совета пионерской
организации имени В. И. Ленина

Ж 05
И-8

Леонид Хаустов

М а т е р и

Так всё близко, что даже не знаю, какую
песнь сложить о тебе и припомнить о чём?
Я окраину вижу свою заводскую,
где весна первомайским шумит кумачом,
где окно на большие закаты глядело,
раскалённые уголья меркли в дыму.
Ты мне песню о «Встречном» вполголоса пела,
Как всегда, к изголовью склоняясь моему.

И сейчас, когда дети мои подрастают,
что-то просят у бабки, подол теребя,
мне покажется вдруг: ты опять молодая,
как впервые на свете увидел тебя.
Как же выразить мне благодарность сыновью?
Только что они значат, все эти слова,
коль твоей материнской безмерной любовью
вся земля до скончания века жива!

283103

Снеговик МЕТЕЛЬ

В БУРАН сельсовет оказался отрезанным от всех своих деревень. Дороги наглухо забило снегом, третий день молчал телефон.

В холодной, насквозь продутой ветром избе томился председатель. В полушубке, в шапке, в валенках. То он подойдёт, скрипя половицами, к окну, то сядет за стол, снимет трубку с безмолвного телефона, то глянет на часы-ходики, которые показывают половину двенадцатого.

Время от времени выглянет из боковушки уборщица тётка Марья и скроется. Наконец не выдержала, спросила:

— Маешься, Борис Иванович? Шёл бы лучше домой. Утро вечера мудренее.

— А вдруг тут без меня гонец явится или к телефону позвонят? Мало ли...

Тётка Марья с вызовом посмотрела на председателя:

— Гонец! Ты соображаешь, что говоришь? Откуда ж ему взяться в такую непогоду? А телефон твой давно замёрз. Иди домой, говорю. Я уж останусь, подремлю в боковушке.

Оставшись одна, тётка Марья кряхтя забралась на лежанку, накрылась шубейкой. Долго лежала с открытыми глазами, думала свои старушечьи думы. Наконец забылась под вой метели.

Не досмотрев какого-то сна, тётка Марья внезапно проснулась. «Должно, помстилось! — подумала она. — А может, и вправду телефон звякнул?..»

— Вот лихоманка! — зевнула тётка Марья, вставая с лежанки. — Напридумывали разных телефонов, одно беспокойство... Ну? — приложила она трубку поверх платка.

Откуда-то издалека донёсся голос. Детский, как показалось тётке Марье.

Сунув настывшую трубку под платок к уху, она переспросила:

— Что, что? Председателя? Какой же тебе председатель в три часа ночи! Тебе сколько лет, девочка? Что? Учительница? Ну, прости старуху. Уж больно голос у тебя молодежливый... Председателя, говорю, в три часа ночи негде взять. Что у тебя за надобность?

Тётка Марья затихла, прислушалась.

— Что? С девяти утра звонишь? У нас телефон не работал. На полutorке отправили? Никого не было... Шофёр, говоришь, неопытный? А на чёрта ж вы такого послали? Нету другого? Да-а... задача! А что тебе председатель поможет? Погодка-то вон какая...

Тётка Марья отстранила трубку, помолчала, потом снова сунула её под платок, проговорила:

— Будем думать тут сообща. Молодчина, что звонила весь день. Всё ж таки дозвонилась. Не сердись, что я тебя за девчонку приняла.

Повесила тётка Марья трубку, запахнула поплотнее свою шубейку и за дверь. Тут её только и дождалась взбесившаяся метель. Ударила в лицо, ударила в спину. Наконец, повалила в сугроб, сорвала с головы платок. Тётка Марья силится встать, а ноги не держат. Тогда она ползком, ползком к забору. Ухватилась за жердь, встала, пошла, цепляясь одубевшими пальцами за что попало. Вот и дом. Из последних сил старая женщина влезла в

сугроб, дотянулась до окна. А вылезть уже не было сил.

— Мама! — выскочила перепуганная девушка. — Что с вами?

— Помоги, Клавдия, сил нет...

Войдя в избу, тётка Марья скинула валенки, полные снега, и, растирая закоченевшие руки, сказала дочери:

— Беги, Клавушка, к Степану. Накажи, чтоб мигом были тут все четверо. А сама слетай к Антонине Васильевне, докторице. Её тоже позови.

— А что случилось?

— Я кому приказала! — возвысила голос мать. — Чтоб одна нога тут, другая там...

Разбуженные среди ночи братья, давно жившие со своими семьями отдельно от матери, мигом собрались, как было приказано. Рослые, плечистые, очень похожие друг на друга, они почтительно стояли перед матерью.

— Звали, мама? — спросил старший, Степан.

— Звала, сынки, — ответила мать. — Такое дело: прошлым утром в Поддубье несчастье приключилось. Какой-то мальчонка по неосторожности вылил на себя чайник кипятку. Послали его вместе с матерью на полutorке к нам в Заручевье, к доктору, значит, к Антонине Васильевне. И вот уже скоро сутки, как их нет. Сказали по телефону, что шофёр молодой был, без году неделя как сел за руль. Так вот, ребятки, где-то те люди застряли в снегу... Машина по такой погоде к ним не пройдёт. Конь тоже

не пройдёт. Только человек и может пройти...

— А если попробовать на тракторе? — после паузы спросил младший, тракторист Фёдор. — Сани можно прицепить...

— Я и сама об этом подумала, Федя, — ответила мать. — Да ведь ты его, трактор, на морозе разве что к утру заведёшь. А может, они где близко застряли...

И порешили так: Степан, Трофим и Алексей выйдут пешком, а Фёдор с доктором Антониной Васильевной выедут следом на тракторе.

Опясались братья ремнями поверх полушубков, ушанки завязали тесёмками на подбородках, надели рукавицы.

— Стойте! — сказала мать. — А харчи?.. Люди сутки не ели. Вот возьмите-ка, кладите за пазухи. А мальчонке — молока. Держи бутылку, Степан. Спички-то есть на случай надобности?

— Есть, мама, — ответил Трофим.

— Ну, тогда добрый путь, сынки. Держитесь кучно да меняйтесь: сперва один передом идёт, потом другой, потом третий. Бутылку с молоком не разморозь, Стёпа, клади к телу...

Наклонив головы под прито-локой двери, они шагнули за порог, огромные, лёгкие на ногу. «Что им буран! — забобовалась сыновьями мать. — Мужчины дюжие. Непременно дойдут».

Следом за братьями с рассветом выехал на гусеничном тракторе Фёдор. В кабину к нему едва втиснулась доктор Антонина Васильевна, в огромном негнущемся тулупе, с медицинской сумкой в руке. Позади трактора побежали тяжёлые сани, нагруженные бочкой с горючим.

С ходу вспорол Фёдор огромный сугроб, повёл машину,

приминая гусеницами ошалело свистящую позёмку.

— Не застрянем? — спросила Антонина Васильевна.

— Должны пройти, — ответил Фёдор. — Трудно за деревню выскочить, а там, в поле, снег на дороге не задержится. Разве что местами перемело. На всякий случай прихватил две лопаты. Одну для себя, другую для вас, доктор. Не рассердитесь?

— Какой может быть разговор, Фёдор Андреевич? Ведь не на прогулку выехали.

...В середине дня Фёдор притормозил машину на бугре.

— Живы? — обратился он к доктору.

— Жива, — отозвалась Антонина Васильевна, выпрасты-

вая лицо из косматого воротника тулупа.

— Идут мои братаны! Сюда идут. Видите?

— Вижу.

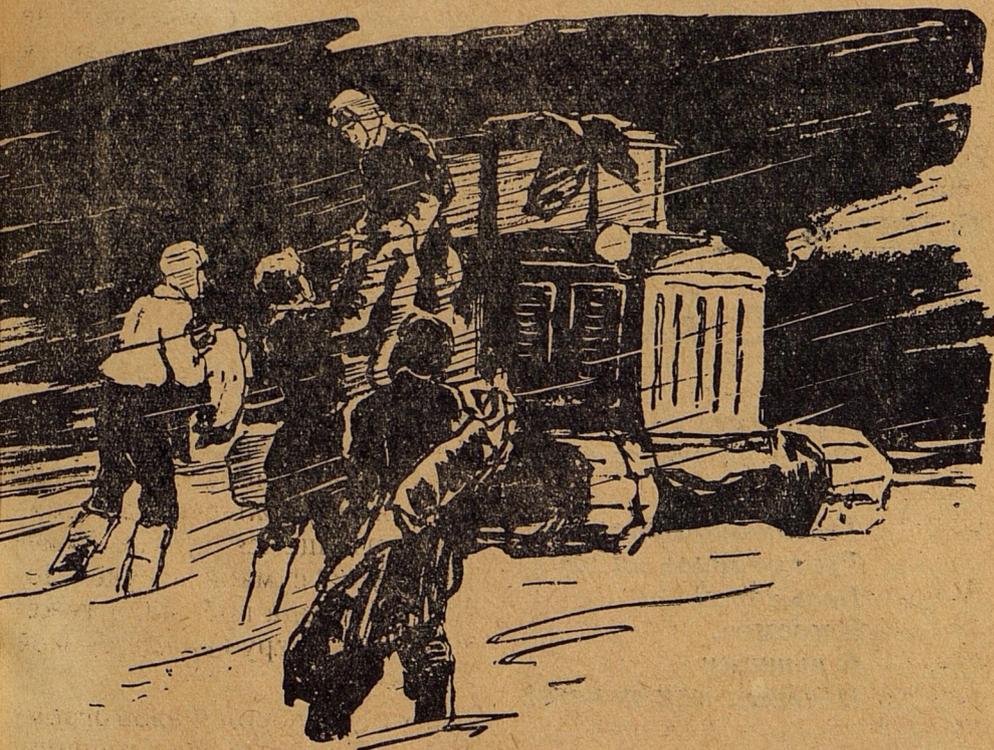
Передним шел Трофим — проминал тропу. Следом за ним Степан нёс на руках закутанного в овчинную шубу четырёхлетнего мальчика. А позади Алексей вёл под руку женщину — мать пострадавшего.

— Как мальчишка? — выбежал навстречу Фёдор.

— В сознании, — ответил Трофим. — Но весь в жару, бедняга. Доктор с тобой?

— Здесь...

Степан рванул дверцу кабины, бережно положил на сиденье свою ношу, утёр рукавицей пот с лица.

— Подогреть бы кабину, — сказал он. — Доктор же осмотреть должен мальчонку.

Федор схватил ведро, поставил под краник радиатора и, нацедив горячей воды, сунул в кабину. Потом он приладил лампочку-переноску и, захлопнув в кабине Антонину Васильевну вместе с больным, накинул поверх докторский тулуп. Тулупа не хватило. Тогда, как по команде, братья отстегнули ремни, скинули полушубки...

Уже в потёмках трактор вошёл в Заручевье. Мальчишку Антонина Васильевна понесла на руках в больницу, а утомлённую, иззябшую мать приняла на свои руки тётка Марья, повела в избу.

— Милая вы моя, родная! — в голос заплакала молодая женщина. — Чем же я вас отблагодарю...

— Успокойся, — сказала тётка Марья. — Вались на лежанку. Сейчас я тебе чайку горяченького... А насчёт благодарности так при чем я тут?

— Ну, как же. Это ж ваши сыновья. Пропал бы мой Гришенька, кабы не они. Золото, а не люди! На морозе, на ветрище полушубки долой... А сами горячие, пар так и валит. Герои. Истинные герои!

Тётка Марья вскипятила чай, поставила мёд:

— Попей с устатку!

Долго они говорили о детях, две матери — старая и молодая.

★

С. Погореловский

С РАССВЕТА — СНЕГ...

*С рассвета снег в твоём окне
Летит на землю в тишине.*

*Ты подойди скорей к окну,
Ты подивись на это:
Весь город
В космос,
В вышину
Несётся, как ракета!*

Неугомонные

ПЯТИЛЕТКА — ДЕЛО ПИОНЕРСКОЕ

СЛОВО «пятилетка» было новым, но как-то быстро вошло оно в пионерский обиход. И полюбилось сразу.

Кое-кто даже философствовал: почему это во все хорошие понятия обязательно входит слово пять? Звезда имеет пять лучей. Пионерский салют отдают пятью плотно сжатыми пальцами, означающими единение пяти частей света. В школе за самые лучшие ответы тоже ставят в журнал пятёрки. Да мало ли ещё где встречается эта цифра пять!

В те дни она чаще всего мелькала на плакатах, в газетах, в заводских цехах. «Даёшь пятилетку!»

Ребята Выборгской стороны включились в пятилетку со всем жаром пионерских сердец. Да и чему тут удивляться? В заводских цехах решалась судьба всенародного плана, а на Выборгской заводов, как кораблей в большом порту. И дымят, и гудят по утрам, словно зовут в далёкое плаванье. Маршрут у плавания совсем не прост, задача поставлена не лёгкая: догнать капиталистические страны. Догнать и перегнать!

А раз дело это всенародное, то как же пионерам в стороне от него оставаться? Не может такого быть! Идёт заводская смена в цеха, а рядом по улице пионерский строй. Шагают ребята, сами себя и всю улицу речёвкой подбадривают:

*Так держать!
Так держать!
Веселей вперёд шагать!
Пять в четыре!
Пять в четыре!
Пять в четыре,
А не в пять!*

Решили пионеры-выборжцы вызвать на соревнование пионеров Бауманского района Москвы.

«Каждый пионер, каждый школьник должен понять, что выполнение договора социалистического соревнования двух районов пролетарских центров является практическим делом участия детей в выполнении пятилетки», — писали они москвичам. И соревновались здорово! На всю страну прославились своими трудовыми делами. Потом на Выборгскую сторону даже из Магнитогорска приезжали: набираться опыта участия пионеров в трудовых делах.

К XVI съезду партии пионеры обещали:

*Слушай, партия!
Твой приказ драться за
пятилетку —
ВЫПОЛНИМ!*

СЧИТАЕМ СЕБЯ МОБИЛИЗОВАННЫМИ

ВЕСНА тысяча девятьсот тридцатого года была бурной. Шёл март, голубой и солнечный. Правда, особенно голубым он был за городом, в лесу, где совсем недавно оставили ребята свой зимний лагерь пионербазы завода имени Карла Маркса. В городе же, да ещё на Выборгской стороне голубым было только небо. А под ногами текли бесчисленные, чёрные от сажи ручейки. Рабочие ворчали и чертыхались, ступая из одной лужи в другую. И всё-таки все радовались солнышку.

Серёжа Марго, вожатый базы, прибежал к ребятам в повесенному распахнутой куртке и с растрёпанной ветром непокрытой курчавой головой. Готовились к сбору о Парижской коммуне. Серёжа всех увлёл рассказами о её замечательных людях. По ночам читал о них книги, а утром делился с ребятами прочитанным. Все девочки хотели быть похожими на Луизу Мишель. Многие писали стихи. Сбор о коммунарах должен был получиться очень интересным.

Но весеннее радостное настроение омрачалось делами на заводе. Придут ребята в

цех, а кругом лица хмурые, озабоченные. Всё чаще и чаще стали появляться в пионербазе тревожные объявления: «В сборном прорыв — план невыполнен на двенадцать процентов. Всем отрядам предлагается: немедленно организовать бригады или звенья для помощи и ликвидации прорыва».

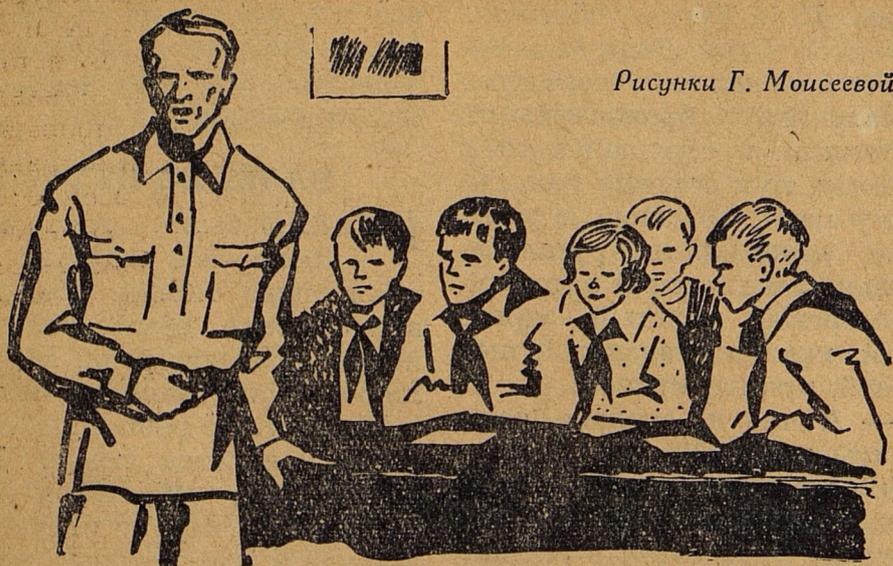
А цеха продолжало лихорадить — не хватало сырья. Два «дяди Миши», секретарь парткома и председатель завкома, — лучшие друзья пионерской базы — целыми сутками пропадали на заводе. Поймать их было невозможно, всё время в цехах.

Лихорадило и другие заводы. Тревога была объявлена по всей Выборгской стороне. Семнадцатого марта ребята назначили чрезвычайный слёт пионерского актива. Весенние настроения как рукой сняло.

В назначенный день собрались активисты с «Красного выборжца», «Красной зари», со всех заводов, где были пионерские базы. Карломарксовцы, как всегда, держались дружной кучкой запевал. Но и песни как-то пелись плохо. Все чувствовали: дело серьёзное, ждали приказа «к бою».

На сцену вышел товарищ из райкома партии — и прямо:

— Вот что, ребята, обстановка такова: пятилетка в опасности. В этом и в прошлом месяце промфинплан сорван. Рабочие поднимаются на ликвидацию прорыва, объявляя ленинский набор в ударные бригады. Пионеры —

верные сыны рабочего класса, и все силы своих организаций они должны сосредоточить на помощи заводам в борьбе за общее дело!

Кончил и сел.

Начали выступать представители пионерских баз. Карломарксовцам удалось своего оратора протолкнуть к трибуне. И он громким пронзительным голосом выпалил: — Все включаемся в производственный поход! Считаем себя мобилизованными!

ПРОИЗВОДСТВЕННЫЙ ПОХОД

НА следующий день вся база была на ногах. Совет базы стал называться «штабом похода». Полетели связные с боевыми приказами. Вышел экстренный номер «Пиоглаза». Все искали наилучшие варианты помощи цехам. Слово-то дали — теперь держись! Выполнить его

надо с честью. Но с чего начать?..

Наиболее отчаянные предлагали даже оставить учёбу в школах и полностью перейти на завод, в цеха. Но в штабе немного охладили их пыл:

— Прежде чем отчёт с отцов и матерей об ударной работе спрашивать, нужно самим подтянуться и в школе успевать по всем предметам. А вот всё свободное время — производству. Сейчас производство — фронт. Капиталисты только того и ждут, чтобы у нас пятилетка сорвалась. А мы не позволим. Пойдём на фронт — в цеха. Кроме того, поведём ударное наступление с тыла — дома. Будем вести разъяснительную работу и дадим заводу не меньше ста родителей-ударников.

Для согласования дальнейших действий штаб направился в партком завода.

Накурено там было до си-

невы. Шло бурное обсуждение итогов дня. Дядя Миша — парторг тыкал пальцем в стол, заваленный бракованными деталями, и обращался то к одному, то к другому начальнику цеха. Те, злые и усталые, даже и не ругались. Только заведующий ватерной мастерской, толстый, заросший, как ёж, седоватой щетиной, хрипло кричал:

— А что я сделаю, если опять простой! Нет сырья. Чёрт его знает, где это сырьё запропастилось! Месяц как должен быть вагон в Ленинграде. Надо бы поискать, а кого пошлешь? Шерлока Холмса мне нанимать, что ли?

Пионеры насторожились — вот это дело для них. Разыскать этот пропавший вагон во что бы то ни стало!

Ещё на парткоме выяснилось, что надо проверить чистку станков и главное — не давать спуску лодырям и прогульщикам.

Штаб созвал командиров отрядов, чтобы распределить срочные задания. Тут тоже бой был не малый. Каждый командир старался вырвать для своего отряда дело потруднее. Второй отряд требовал, чтобы их непременно бросили на розыски вагона. Колька, командир второго, даже выставлял веские доводы в свою пользу: у него де на железной дороге дядя, брат отца, служит, а он-то уж поможет!

Но, придя в отряд после совещания, Колька преподнёс

всё так, словно их-то отряду и выпало самое интересное задание — провести рейд по чистке станков.

НАЛЁТ НА ЦЕХА

РЕШЕНО было взять под пионерское шефство загрязнённые станки. Но для этого нужно было выявить нерях, провести рейд. Назвали операцию «налёт на цеха».

Провести её решили ночью, когда кончается смена. Девочки сразу забеспокоились: ночью из дому не отпустят. Маруся и Зоя, которые жили дальше всех — на Муринском, закричали, что это нечестно, что это мальчишки нарочно подстроили, чтобы создать девочкам трудности и не взять их с собой в рейд. Но потом в пылу спора вспомнили, как в первые годы существования базы те же мальчишки провожали девочек до дому, защищая их от хулиганов, срывающих галстуки. Значит, вроде ничего мальчишки не подстраивали. Просто это действительно необходимо: идти на завод ночью.

Все вместе сочинили текст пионерской телеграммы хозяевам грязных станков: «Товарищ! Ты заслуживаешь звания разгильдяя и неряхи. Твой станок оставлен грязным. Он вычищен и смазан пионерами базы завода Карла Маркса». Листовки каждый заготовлял дома.

Собрались все у проходной. Обычно пионеров на завод пускали без всяких пропусков — свои ведь! Но это

днём. А ночью пришлось выдерживать объяснение с вахтёром, который упрямо повторял, что ночью на заводе делать нечего и нет у него разрешения посторонних пускаться.

— Какие же мы посторонние! Мы же свои, — взмолились девочки. — И вас знаем. Вас дядя Миша зовут, вы ещё у Будённого служили. Мы же слышали, как вы в клубе рассказываете.

Но даже это льстивое упоминание о боевых годах не растрогало дядю Мишу.

— У Будённого, верно, служил, а вас всё равно не пущу!

И тогда Колька зашумел, что разрисует вахтёра в следующем номере «Пиоглаза» на позор перед всем заводом. Тут уж дядя Миша сдался.

В цехах горели только контрольные лампочки. В рядах отдыхали работяги-станки. Ребята ощупывали пальцами каждый и безошибочно угадывали, кому принадлежит станок — заботливому хозяину или разгильдю. Если в смазку набилась давнишняя пыль и рукоятка на повороте жалобно скрипела, тут же начинали чистку и смазку станка.

Оказалось, что хозяйственные девочки принесли из дому ветхие выцветшие материнские кофты и передники, которые сослужили им теперь добрую службу. Мальчишки то и дело подбегали кланяться кусочки тряпья.

Когда кончили смазывать последний станок, за окнами уже синело утро. Собрались

уходить. И вдруг в цех вошёл пожилой рабочий с сердитым заспанным лицом. Он поёжился от утреннего холодка, направляясь к своему станку. На ребят он только покосился глазом, видимо, был из таких, которые привыкли ничему не удивляться. Спокойно снял со своего станка пионерский листок и медленно начал читать, шевеля губами. И вдруг шея и лицо его побагровели, он резко обернулся к пионерам и начал дрожащими руками рвать листовку на мелкие клочки.

— Это, значит, я разгильдяй и неряха! А вы, значит, меня учить пришли! Да у меня, может, грех такой первый раз в жизни случился, из-за срочной работы, а вы тут сразу со своими прокламациями!..

Тогда вперёд выступила Зина Петракова. Голос у неё был тонкий, но решительный:

— Мы не только ваш станок. Вот и соседний еле отчистили. А ведь это же беспорядок!

Рабочий начал успокаиваться.

ПИСЬМО

ПОСЛЕ этого случая в отряде разгорелся спор: надо ли такие грубые памятки оставлять? Колька был умолим и считал, что нечего со срывщиками плана и лодырями миндальничать.

— А по-моему, надо строго, но вежливо, — настаивала Валя Колтушова. — А то чуть

что, сразу уже «паразит, гидра!..»

Но Колька и его союзники рассуждали так: раз советской власти брак подсовывают, нечего церемониться! Такой ударничек, как Сиваков, например, курит себе по два часа через каждые десять минут и даёт только шестьдесят семь процентов. Словно не на себя, а на хозяина работает. Может, его ещё и поблагодарить?

Вдруг кто-то из ребят восторженно завопил:

— Точно, благодарить надо! Я придумал!

Затая всем понравилась. Пионеры, давясь от хохота, вытащили белый лист бумаги, принесли чернильницу. Писать поручили Варю. У неё был каллиграфический, как однажды сказала учительница Нина Алексеевна, почерк. Варя всегда страдала из-за этого, потому что все заметки в стенгазету переписывать ей приходилось.

Письмо Сивакову получилось ядовитым.

«Уважаемый Андрей Иванович! Выражаю Вам искреннюю благодарность за то, что вы даёте наибольший процент брака в цехе. Если все будут работать так, как вы, то социализм большевикам не построить. Продолжайте, Андрей Иванович! Такие люди нам нужны. Примите уверения и пр. Чемберлен».

С письмом вручалось Сивакову рогожное знамя. Дорого бы дали ребята, чтоб посмотреть на физиономию лодыря, когда он будет читать пионер-

ское послание. Но с уроков уходить нельзя — это закон. Штаб строго наказывал за пропуски занятий в школе.

Утром в цехе только и разговору было, что о пионерской затее с Чемберленовым письмом. Рабочие посмеивались. Сиваков простоял за станком весь день, боялся даже выйти покурить — засмеют! Но когда шёл домой, кто-то всё-таки сказанул ему вслед:

— Друг Чемберлена!

Решил было Сиваков с завода уходить. Но стал выполнять норму и забыл обиду. А потом отряд вывесил его в числе ударников на Красную доску.

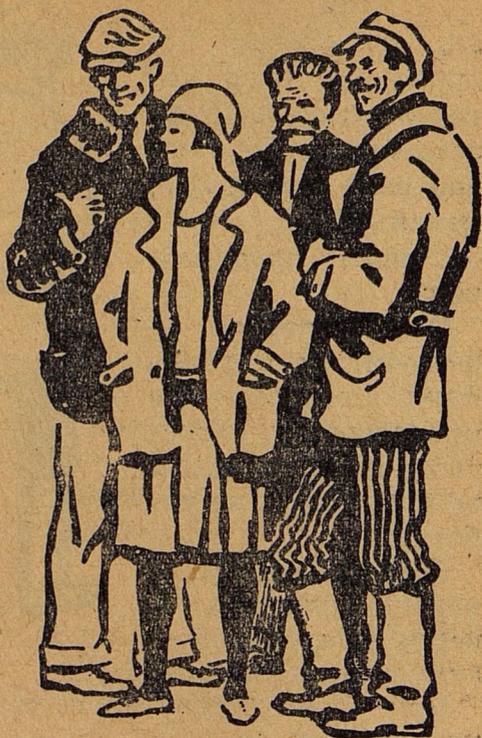
КАК САНЬКА ЗАКЛЮЧАЛ ЛИЧНЫЙ ДОГОВОР С ОТЦОМ

ЧЕМ больше работала база в цехах, тем с большим уважением относились рабочие к ребятам, прислушивались к их словам и не посмеивались, как раньше. Это и дома помогло пионерам укрепить свои позиции.

Как-то произошёл конфликт с отцом у Саньки Левашова из третьего отряда. Стал Санька допытываться у отца, знает ли он промфинплан и почему в ударники не вступает. А отец под хмельком был. Слушал, слушал Санькину агитацию и вдруг расвирепел, схватил ремень и Саньку вдоль спины вытянул.

— Вот тебе встречный план!

Пришёл Санька в базу, ру-

баху задрал и говорит совету:

— Вот заключил личный договор с папаней. Это его расписка оставлена. — А у самого слёзы в глазах.

Пионеры возмутились. Решили просить разобрать поступок Санькиного отца на рабочем собрании.

На собрании выступали бурно, а в заключение всё-таки потребовали, чтобы договор был заключён. Санька бесстрашно смотрел на отца.

Отец пришёл домой темнее тучи, кошку пнул ногой, на малышню накричал. Потом грузно опустился на табуретку у стола и потребовал пухырёк с чернилами. Мать поспешно вытерла старенькую клеёнку на столе и подала отцу чернила и ручку. Как только пришёл Санька, отец крикнул:

— Мать, иди сюда, свидетелем будешь — договор со своей сменой буду заключать. Ну, давай свои параграфы, команду!

Санька продиктовал:

Отцу: первое — включиться в ударники, второе — не прогуливать, третье — не пить вина и не опаздывать на работу.

Саньке: первое — хорошо учиться и вести себя, второе — аккуратно посещать базу...

При этом пункте отец усмехнулся:

— Да тебя из базы и за ноги-то не вытащить.

Санька продолжал диктовать.

— Четвертое — всегда носить галстук. — Потом подумал и добавил: — пятое — помогать матери по хозяйству.

Мать посмотрела на него и сразу простила все его отлучки из дому то на субботник, то на воскресник. Даже подсвечник медный простила, который недавно снёс Санька в металлолом. Видела, что настоящим человеком и помощником стал её сын в красном галстуке.

БИЛЕТЫ ИЗ МЕТАЛЛОЛОМА

В ОБЯЗАТЕЛЬСТВЕ пионеров базы значилось:

«1. Обучить 18 малограмотных.

2. Поставить на 5 квартирах рабочих детекторные радиоприёмники». И ещё многое другое.

Почти всё уже было выполнено, только металлолом оставался слабым местом. И тут Яша Сухотин предложил:

— Давайте организуем концерт-утренник и кино для всех желающих. А входную плату установим три килограмма железа с человека.

Повесили объявление. Смеху было!

Проходу не давали пионерам:

— А с кроватью можно прийти, принимаете?

— А раковины сгодятся за кино?

Но Колька, командир отряда, был невозмутим:

— Пусть смеются, от смеха в организме сахар вырабатывается.

— А от щекотки?

— А от щекотки сахарин, потому что смех искусственный.

В день концерта народу набралось много. Взрослые зрители несколько смущённо складывали в кучу кто кусок трубы, завёрнутый в газету, кто старые щипцы для угля. Какая-то бабка два утюга притащила за себя и за внучку. После концерта подсчитали лом. Обязательство отряд выполнил. Яшу все поздравляли, как великого изобретателя.

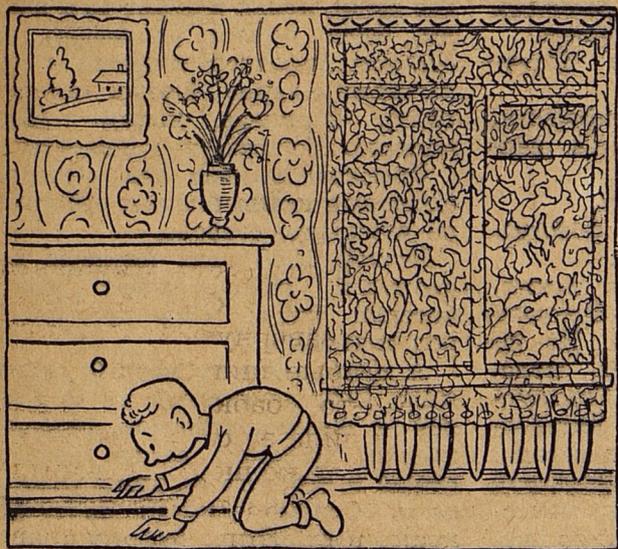
ЗАВОДСКИЙ коллектив выполнил промфинплан и вышел из прорыва. Когда на собрании подводились итоги, кто-то из рабочих предложил наградить и пионербазу за помощь заводу. Все единодушно поддержали это предложение. Просили даже дать пионерам орден Трудового Красного Знамени. Ленинградские пионеры одобрили это решение.

Пионеры базы Карла Маркса рапортовали о своих трудовых делах Центральному бюро пионеров, а бюро в свою очередь обратилось с письмом

в Президиум ЦИК к Михаилу Ивановичу Калинин:

«В борьбе за выполнение промфинплана пионерская организация принимает активное участие, являясь одним из боевых ударных отрядов рабочего класса. Лучшие отряды пионерской организации сумели всю свою работу тесно связать с фабрикой, заводом, став частью пролетарских коллективов, борющихся за выполнение пятилетки в четыре года. Успехи передовых фабрик и заводов, перевыполнение их плановых заданий не только дело рабочих, но и дело пролетарских ребят.

Председатель ЦБ ДКО
СЕВЕРЬЯНОВА».

Где кот?

(Загадочная картинка
К. Бекташева)

Убежал от Пети
Кот...
Кто из вас
Его найдёт?

Документы вашей биографии

(Текст к фотоочерку на 2-й странице обложки)

СОВСЕМ не простым оказалось это задание редакции: отыскать старые фотографии, касающиеся истории пионеров Ленинграда. Но ещё более сложным оказалось разгадать то, что удалось найти.

Еду я в трамвае из Государственного Архива Октябрьской революции и социалистического строительства, достал фотографии и рассматриваю. Особенно одной заинтересовался: возле каких-то дверей стоят ребята со свёртками в руках. Видно, собрались куда-то. Но куда? Зачем? На учётной карточке снимка запись короткая: «Пионеры у входа в домпросвет». В какой домпросвет? По какому случаю собрались?

Судя по дате — 1923-й год. Время трудное. Вероятно, у пионеров происходило какое-то важное событие. Иначе к чему бы фотографу расхаживать драгоценную по тем временам фотопластинку?!

Сижу, думаю-гадаю. Пассажиры тоже заинтересовались снимком. Каждый сразу стал про своё вспоминать.

Я ещё внимательнее пригляделся к вывеске у дверей здания.

— Домпросвет имени Глерона, — прочёл вслух.

Услышав название домпросвета, сидевший поодаль мужчина поднялся и подошёл ко мне.

— Разрешите взглянуть.

Он долго рассматривал фотографию и наконец произнёс:

— Да, ошибки быть не может. Помню этот домпросвет. Находился он на Звенигородской. Но по вечерам собиралась туда молодёжь и с Загородного, Социалистической, Комиссарской. Даже из других районов города приезжали.

Мне тогда было четырнадцать лет. Как говорится, и к комсомольцам ещё не пристал, и от пионеров ещё не отошёл. Ходил сюда на пионерские утренники и на

комсомольские вечера. Был в курсе всех домпросветских дел.

Однажды меня, как активиста, вместе с комсомольцами послали в деревню: отвезти собранные книги.

Выполнили мы поручение, стали уже собираться в обратный путь, — вдруг в сельсовет вбегает один из наших:

— Картошка гниёт! — кричит. — Сам видел. Для Петрограда приготовлена, а везти не в чем — ни мешков, ни ящичков нет.

Мы, питерские ребята, знали, что тогда значила для города каждая картофелина. В поезде по дороге в город был разработан план.

Ну, а на этом снимке — осуществление нашего плана. В одно из воскресений попасть в домпросвет на утренник можно было только расплатившись за вход мешком. Несколько сот мешков собрали тогда пионеры для деревни. Картофель был доставлен в Петроград.

С ГОДАМИ жизнь в стране становилась всё лучше и лучше. Но всё же в 1930 году очень многие люди, придя в буфет 45-й школы, были весьма удивлены: за стеклом буфетной витрины с ярлычками, какое блюдо, сколько стóбит, появился новый: «Бесплатно». Коротко и удивительно!

Оказывается, все эти «блюда» были выращены самими ребятами на школьном огороде.

Весной 1930 года пионеры нескольких ленинградских школ бросили клич: «Все пустыри — под огороды!»

А пустырей в ту пору было немало. Ребята очистили их от камней и мусора, вскопали, разбили грядки, посадили самые разные овощи и всё лето за ними ухаживали. Осенью урожай поступил прямо в школьные буфеты в виде вкусных овощных блюд с ярлычком «бесплатно».

В память об этой борьбе с пу-
стырями и сохранился снимок:
ребята 45-й школы расчищают
землю под огород.

О БОЛЬШОЙ дружбе лучших
людей нашей страны с пионе-
рами написано много книг, рас-
сказов, статей. Фотографии — не-
опровержимые документы этой
дружбы.

У народной артистки Советского
Союза Екатерины Павловны Кор-
чагиной-Александровской особая
дружба была с ребятами 14-й об-
разцовой школы. Пионеры часто
ходили на спектакли, в которых
играла артистка, а она всегда бы-
ла желанным гостем в школе.

Снимок 1935 года сохранил па-
мять о встрече ударников учёбы
14-й образцовой школы с выдаю-
щейся советской актрисой.

А ВОТ другой снимок. 30 марта
1938 года композитор И. О.
Дунаевский встретился с ребятами
бывшей Невской заставы.

Как всегда, ребята засыпали го-
стя вопросами. И, конечно, в пер-
вую очередь их интересовало дет-
ство композитора.

— А кто из вас слышал, как
звучат клавикиорды? — спросил
Дунаевский.

Ребята удивлённо пожимали
плечами.

— Я вот недавно вычитал в эн-
циклопедии, — продолжал компо-
зитор, — что клавикиорды исчезли
в начале прошлого столетия. Их
вытеснило фортепьяно.

А в нашей семье это произошло
на целый век позже. Когда я был
маленьким, в нашей комнате
стоял небольшой четырёхуголь-
ный ящик с натянутыми струна-
ми. Звучал он тихо и как-то очень
грустно. Но я всё равно любил
слушать, когда мама играла на
нём.

Зато какой у нас был праздник,
когда нашему отцу удалось, нако-
нец, скопить деньги на пианино и
оно торжественно въехало в нашу
комнату.

— А сколько вам было лет, ко-
гда вы написали своё первое про-
изведение?

— Одиннадцать.

В 1941 году немецкие фашисты
нарушили мирную жизнь
нашей страны. Их войска подо-
шли к самому Ленинграду, замк-
нули кольцо вокруг.

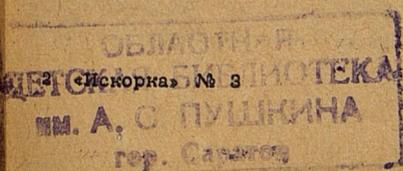
Город стал фронтом. В скверах
выкопали убежища — щели, во-
круг них каждый свободный кло-
чок земли вскопали под огороды.
Ни снарядам, ни бомбам, ни голо-
ду, ни холодной снежной зиме не
сдавался Ленинград.

Даже в самые тяжёлые дни
оставшиеся в городе ребята ходи-
ли в школу.

На снимке, сделанном в апреле
1942 года в 239-й школе, вы види-
те ребят, уже переживших самую
трудную блокадную зиму. Но в
классах ещё холодно, они нетоп-
лены, да и учеников раз-два и об-
чёлся. Но занятия идут. Внима-
тельно слушают семиклассники
учительницу естествознания А. И.
Бокановец.

...Один за другим я перебираю
снимки. Нет, это теперь не просто
фотокарточки! Это документы ва-
шей биографии — биографии сла-
вной ленинской пионерии. Таких
снимков сохранилось не так уж
много, и поэтому найти их не
просто. А ведь они очень важны!
Может быть, у вас дома, ребята, у
ваших родителей сохранились
снимки, рассказывающие о жизни
пионерской организации? Сообщи-
те нам об этом. Мы с удовольст-
вием расскажем в журнале о но-
вых находках.

А, ПАВЛОВ

Тринадцатилетний капитан

У МЕНЯ на редакционном столе лежит старая фотография. Её принесли красные следопыты из Калининского дома пионеров. С пожелтевшего от времени снимка широко улыбается затянутый в португеею мальчишка. Шапка лихо сдвинута набок, в круглых глазах словно играет какая-то «бесшабашинка». Слева на груди у мальчишки поблёскивают воинские медали.

— Кто это? — невольно интересуется всякий, впервые взявший в руки фотографию.

Зовут мальчишку Миша. Фамилия его Богданов. Здесь, на фотографии, ему тринадцать лет. Что ещё? Да, почему португеея и медали? Ну, это — особая история...

ОСТРЫЙ КАМЕНЬ

КОНЕЦ лета приходит на Псковщину вместе с караваном — маленькими, румяными яблоками, которые везут мешками на сельские базары в последнее августовское воскресенье. Впрочем, Мишка знал и десятки других примет уходящего лета. Знал он, что в эту пору пчёлы берут с цветущего вереска самые тяжёлые взятки, что гоноболь уже не так сладка, как ещё неделю назад, а сквозь преющий покров прошлогодней листвы кое-где по сырым оврагам уже пробился первый золотушный груздь.

Но в этом году конец лета пришёл совсем по-другому. Никто не готовил кадок под соленье, не раз-

Миша Богданов

вешивал на чердаках берёзовых веников. В лесу было дымно и сумрачно, как после большого пожара. Через деревню со стороны Железниц днём и ночью шли отступающие части. Мишка часами стоял у обочины дороги, вглядывался в усталые лица солдат, прислушивался к прерывистому гулу непрерывно снующих над лесом немецких самолётов. А потом наступила тишина. Душная тишина августовского полдня. И впервые за две неде-

ли осела пыль на дороге.

Мишка, перекинув через плечо выцветшую на солнце майку, поднимался по заросшему иван-чаем крутояру. Впереди него, то и дело исчезая в порослях синих цветов, бежал безотказный напарник в Мишкиных прогулках, чёрный, словно вымазанный сажей, пёс Моряк. Моряк очень любил поручения. Если бросить в Шелонь палку, — пёс опрометью кинется в воду, а потом запыхавшийся, мокрый в ожидании похвалы пляшет перед хозяином на задних лапах. Зимой Моряка можно было запрячь в санки; а когда Мишка, сбив с валенок снег, скрывался за дверью школы, собака терпеливо сидела у крыльца, чутко прислушиваясь, не зазвенел ли звонок на перемену...

И кто бы мог подумать, что сегодня Мишке навсегда суждено распрощаться со своим четвероногим другом. Когда поравнялись со старой ригей, что косматилась

своей соломенной крышей у самой околицы деревни, Мишка заметил пятерых незнакомцев в ядовито-зелёных мундирах. Прислонив к бревенчатой стене риги велосипеда, они, усевшись в тени, переговаривались между собой неприятными, дребезжащими голосами. Заметил и незнакомцев и Моряк. Заметил и пустился стороной, вдоль дороги, во всю мочь заливаясь предупреждающим лаем.

И сразу же вскочил на ноги один из тех, ядовито-зелёных. Что-то весело сказав своим приятелям, он повёл вслед за собакой коротким стволом автомата.

— Моряк, назад! — что было сил крикнул Мишка.

Но было уже поздно. Пули взметнули на дороге фонтанчики пыли, а Моряк, сделав в сторону два нелепых прыжка, ткнулся мордой в траву.

Эх, и запустил бы сейчас Мишка камнем в ядовито-зелёного. Наверняка, не промазал бы! Жаль, нет ничего под рукой... А тот как ни в чём не бывало.

— Мальчик... — кричит, — коммен цу мир! — и рукой машет, чтобы, дескать, подошёл к нему.

— Гад, ты... Вот кто! — потряс маленьким кулачком Мишка и, не дожидаясь, как встретит этот жест немец, кубарем скатился вниз к Шелони.

Домой Мишка вернулся уже к вечеру. На длинной, вытянувшей-

ся вдоль стены лавке чинно расположились Мишкины братья Алексей, Демид и Василий. С печки глядела малышня. Отец сидел у стола на табурете. Закинув ногу на ногу и ухватив в ладонь широкую, уже седеющую бороду, он иронически поглядывал на Алексея.

— И что же теперь, — горячился Алексей, — ждать, пока они к нам в дом влезут. Так, что ли, батя? Будь уверен, председателя колхоза не обойдут стороной...

— А как узнают, что я и есть председатель? — усмехнулся отец.

— Как?! Как! Люди покажут, — не отступал старший Мишкин брат.

— А я думаю — не покажут... Не покажут, Алёша... Я наших людей знаю. А в партизаны, как ты говоришь, мы податься всегда успеем. Запомни только одно: не сидел бы я здесь, если б нужды в том не было...

Это был старый спор между отцом и Алексеем. И, если признать-

ся честно, Мишке больше нравились слова брата: «Немцев не дожидаться, винтовки в руки — и в лес». Но разве кто-нибудь будет слушать мнение Мишки, которому гсего-то десять лет от роду. Вот, если бы рассказать им всем, как ядовито-зелёные убили сегодня Моряка...

Мишка долго сидел на крыльце. Смотрел, как на верхнюю площадку поставленной приезжими топографами вышки незаметно вскарабкалась луна, воспалённая, будто не выпавшая за день. Вспомнилось, какие славные парни были эти топографы. Как они быстро научили всю деревенскую ребятню стрелять из луков. А Моряк так и крутился возле топографов. Мишка даже сердился на него за это...

— Что размечтался? — распахнул дверь отец. Он стоял за его спиной, кряжистый, спокойный, деловито попыхивающий самокруткой. — Хочешь, пойдём со мной к реке... Душно в избе...

Они долго пробирались в полумраке через низкорослый сосняк.

По дороге Мишка подробно рассказал отцу обо всём, что случилось с ним сегодня у старой риги. Отец молчал, шагал широко, размеренно. А потом, уже у самой Шелони, обхватил Мишку за плечи:

— Знаешь, почему наша деревня Острый Камень зовётся?

— Конечно, — вздохнул Мишка, — камней, их у нас — вон сколько!

— То-то и есть, — заключил отец. — Не простые камни, а острые. Их от Железниц до Новгорода по Шелони миллионы, считай! А попробуй заберись, не зная троп, через эту гряду на берег — ноги поломаешь! Так и они... — Отец, чего с ним никогда не бывало раньше, выругался, не стесняясь Мишки: — Так и они... Те, что пришли сюда. Поломают рёбра. Ещё как поломают! Ведь и народ в нашем крае, что те камни, — острый, злой на драку.

Заснул Мишка в ту ночь, как обычно, под стук старых ходиков. Хорошие это были ходики. Если скажешь про себя, ну, к примеру, «Пал-Палыч», то и ходики отстукивают: «Пал-Палыч... Пал-Палыч...» Так и уснёшь незаметно.

И снился в этот раз Мишке тот немец, что застрелил Моряка. Будто бьёт его Мишка своими маленькими острыми кулачками, а ходики всё стучат и стучат: «Так его... Так его...»

ШКОЛА НЕНАВИСТИ

НЕМЦЫ в Остром Камне не квартировали. Их гарнизон разместился километрах в пятнадцать отсюда, в Ясках. Может, поэтому Мишке временами казалось, что и нет уже войны. Тихо в деревне, жёлтым листом засыпало просёлок, синими струйками тянется дым над крышами... А Алексей день ото дня всё мрачнел и мрачнел. По утрам он надевал высокие резиновые сапоги и уходил в лес. Возвращался к ночи, жадно пил в сенцах из ведра воду и тут же валялся спать. Однажды Василёк под строгим секретом рассказал Мишке, как он вместе с Алексеем отвозил в Железнецкую больницу найденного имираненого красноармейца.

— Слышь, — заговорщицки шептал Василёк, — Алексей мне и говорит: «Ты плачь, да погромче». Если немцы спросят: «Куда?», скажи: «Вот братишка заболел, в больницу везу...» А он-то, раненый, у нас как раз под сеном в повозке лежит... Так и доехали. В Железницах докторша у Алексея знакомая.

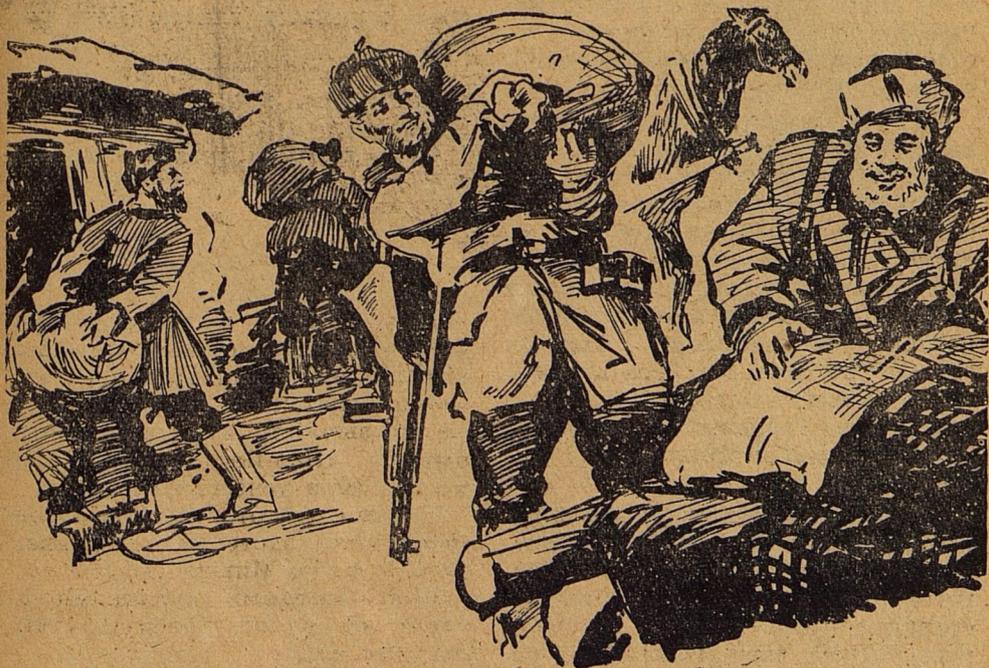
Василёк был старше Мишки всего на год. И поэтому слышать от него о том, что он посвящён в тайны взрослых, было очень обидно.

Потом выпал первый снег. Неспелый, чуть запорошивший дорогу. И вместе с первым снегом появились в богдановском доме партизаны. Они приехали ночью на двух подводах. Отец, весь какой-то помолодевший, непривычно весёлый, сгребал каждого входящего в охапку, подолгу прижимался бородатым лицом к заиндеветшим с мороза полушубкам.

— Значит, дождался! — басил он. — Значит, не зря сычом сидел...

С печки Мишка слышал, как до утра рокотали голоса приехавших, как счастливо смеялся отец, как, стараясь перекричать остальных, о чём-то долго рассказывал Алексей. Когда рассвело, партизан уже в доме не было. Только у палисадника желтели на снегу клочки разбросанной соломы да санный след первопутка тянулся от дома к лесу.

Приходили соседи. Смотрели на

следы кованых копыт, понимающе кивали головами:

— С гостями вас, Федор Васильевич!

А дня через два партизаны приехали снова. Из колхозного амбара грузили на подводы овёс, перетаскивали от сараев за богдановским домом тугие мешки с мукой. Отец, по всему видно, не зря ждал зимы в Остром Камне. Несмотря на три месяца хозяйничанья немцев, колхозное зерно осталось в сохранности. Теперь хлебом и фуражом можно было снабдить целое партизанское подразделение.

Мишка с уважением и тайной завистью поглядывал на бородатых, неторопливых в движениях людей, которые здесь, в глубине вражеского тыла, выглядели куда более представительными хозяевами, чем по самые глаза закутаные в шарфы солдаты из Яского гарнизона.

А вскоре Мишка получил от партизан первое поручение. Както, а было это уже в январе, отец, будто между прочим, сказал ему:

— Слетай-ка живо в Маковье! Узнаешь, дома ли Митя Гаврюшонок. Если — да, мигом назад. Захвати с собой жестянку из-под керосина. Чтоб знал Гаврюшонок — за делом к нему пришли!..

Ох, как заколотилось Мишкино сердце! Ещё бы! Он-то знал, что чернявый Митя Гаврюшонок из соседней деревни Маковье прислуживает немцам. Открыл у себя на дому керосиновую лавку, живёт как кулак, а чуть что — на одной подводе с немцами в объезд по деревням отправляется. Слышал Мишка от Алексея, что высший партизанский суд — «тройка» — приговорил Гаврюшонка к смерти. Видно, теперь и пришёл срок для приговора.

До Маковья Мишка бежал что есть духу. А как попал в деревню, придержал шаг, поправил выбившиеся из-под шапки волосы, постарался придать своей физиономии унылое выражение. Вот, де-

скать, в такую даль за керосином гоняют!

Гаврюшонок был дома. Он пошёл на Мишку своими по-коровьи выпуклыми глазами и выдавил сквозь зубы:

— Нет керосина... Не привёз ещё.

Мишка, посетовав для вида на свою неудачу, степенно вышел за порог.

Но что-то видно почувствовал Митя. Когда через час в его двери толкнулся плечом один из партизан, изба была пуста...

А спустя неделю Гаврюшонок напомнил о себе Богдановым. Пришёл он в Острый Камень не один, а вместе с карателями. Ещё издали, заметив приближающиеся к деревне подводы с немцами, отец сказал:

— Кажется, до нас пожаловали. Придётся, мать, мне, Алексею и Демиду на время в лес податься.

И они трое, пригибаясь, побежали через огороды к густому еловому леску, зелёным воротником затянувшему лысый бугор деревенского кладбища.

А в дом, стуча сапогами, уже входили каратели.

— Где хозяин? — уставился на мать коровьим глазом Гаврюшонок.

Мать, насупившись, стояла посреди избы, прижимая к груди маленького Димку.

— А я почём знаю... Вроде бы пошёл с сыновьями за валенками в Устье.

— Врёшь!..

Гаврюшонок, по-хозяйски тяжело ступая, прошёлся по избе. Распахнул шкаф и молча стал сгребать в охапку отцовское пальто, костюм, материны платья.

Злыми рысьими глазами Мишка следил, как Гаврюшонок неторопливо грузил в сани всё, что можно было забрать из их дома.

Потом длинный скуластый немец стал выливать на пол из квадратной фляги бензин...

Дом загорелся быстро. Пламя через окна вырвалось наружу. Мишка, стоя на улице рядом с

плачущей матерью и сёстрами, не отрываясь смотрел в огонь. Когда рухнула стропила, к небу поднялся высокий фонтан искр. От яркого света слепило глаза, но Мишка уже ничего не чувствовал. До крови закусив губы, он шептал про себя слова самой страшной мальчишечьей клятвы...

Потом Гаврюшонок кричал собравшимся возле пепелища соседям:

— Запоминайте! Кто дал ночлег партизанам, тот сам спит на морозе!

А через несколько дней отец, Алексей и Демид ушли в Горявинский отряд. Широкоплечего крепыша Демиды Мишка видел в последний раз. Во время партизанского наступления на Яски Демид был тяжело ранен и отправлен самолётом на Большую землю. Потом, когда поправился, он

сражался на северо-западном направлении. В августе 1944 года он погиб в бою под маленькой латвийской деревушкой Яци-Малаца.

А оставшихся в Остром Камне Богдановых приютила у себя соседка тётя Гаша. Она так и сказала матери:

— Живите у меня... Горе-то оно у всех одно, общее...

И верно, несчастий и страданий в ту морозную зиму 1942 года хватило всем. После того как партизаны истребили немецкий гар-

низон в Ясках и предприняли наступление на Дедовичи, по деревням партизанского края пошли каратели. Спалили они и Острый Камень. Теперь его жители селились в лесу, в маленьких и сырых землянках.

По утрам Мишка вместе с Васильком разводили костерок у входа и ждали, пока сёстры Марфа и Саша бросят в кипящую воду бесформенные, слипшиеся комком мороженые картофелины. Пока клочкотало в котле дымное, зеленоватое варево, Мишка просил Василька:

— Спой ту, про Яски...

И Василёк, невесть где услышавший рождённую в партизанских бригадах песню, начинал выводить тонким мальчишеским голосом:

*И летели вражеские каски
В вихре огненном ли-хом,
Когда бой вели за Яски...*

Хорошо пел Василёк. А Мишке казалось, что это он сам сидит

у партизанского костра в тихом морозном лесу. Вот сейчас пропёт труба, и он, в лихо сдвинутой набекрень кубанке, встанет в строй рядом с отцом, Алексеем, Демидом...

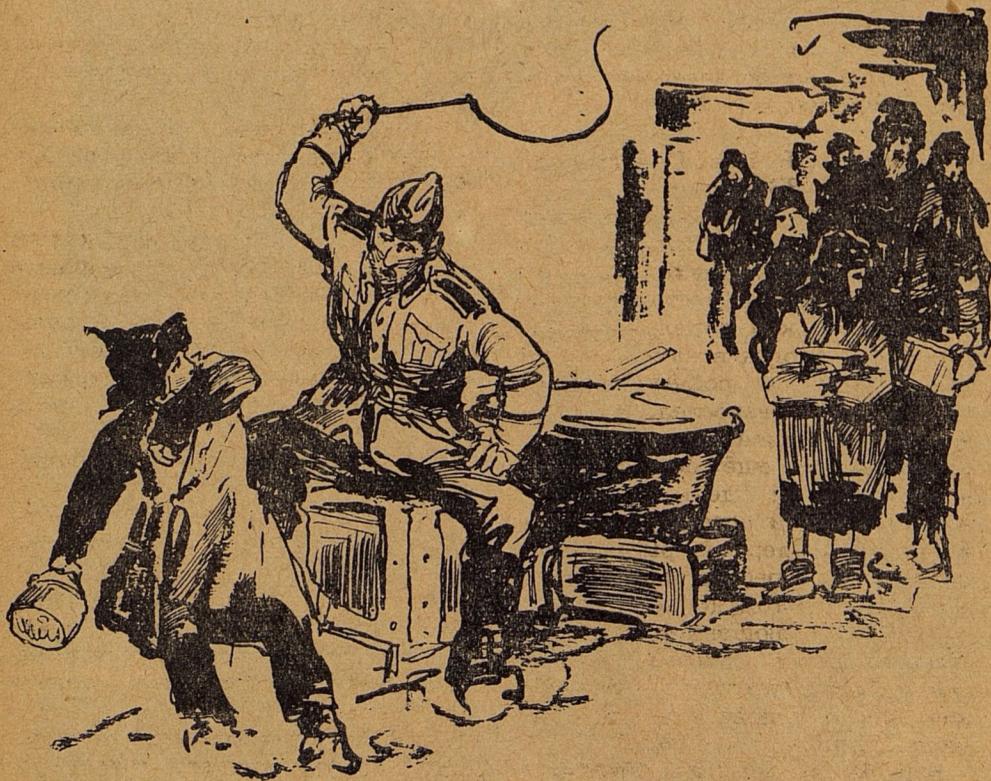
А между тем каратели добрались и сюда. Погнали партизанские семьи на поселение в дальние деревни.

Двое суток шагал Мишка в толпе переселяемых. Далеко на краю неба полыхали зарницы. Сожжённые деревни вставали из темноты белыми пятнами давно остывших печей, сиротливыми скворешнями на шестах. Беспрестанно плакал маленький Димка, Саша поморозила ноги и еле шла.

В Дедовичах их всех разместили в пустынном и нетопленном двухэтажном доме. Розовощёкий полицай крикнул в выбитое окно:

— Поторапливайтесь за пайком!

Паёк пошёл получать Мишка. Кусок хлеба. Черпак мутноватой бурды... Пять человек — пять кус-

ков. А как быть, если Василёк, Саша и Люба от голода едва передвигают ноги? Мишка решил попытаться получить паёк во второй раз. Может быть, немец и не запомнил, кто к нему уже подходил...

— Вот сюда, — тихо попросил Мишка, держа перед собой котелок.

Немец чуть повёл на него взглядом. Потом, будто нехотя, отложился в сторону черпак. И вдруг с неожиданным проворством вытянул из-под себя тяжёлый, ремённый кнут.

Удары сыпались на Мишку справа и слева. Закрыв голову руками и сжавшись в комок, он никак не успевал увёртываться от них.

— Га-га-га! — гоготал немец. — Хороший щи? Ха-ха-ха...

Наконец, отбежав в сторону, Мишка отнял от лица руки. Нет, теперь он не грозил немцу острым кулачком, как тогда в первый раз у старой риги. Он просто смотрел на него. Пристально, не мигая. И немец вдруг умолк... Ему почему-то стало не по себе от этих светлых, холодных от ненависти мальчишеских глаз.

КОМАНДИР БЕЗОРУЖНОГО ВЗВОДА

ПОСЕЛИЛИ Богдановых в не-
большом селе Кустове. Там они должны были находиться под неусыпным оком местного старосты. Но староста видел, наверное, третий сон, когда в начале марта, на рассвете, к родным пришёл Алексей. Он повзрослел, оброс рыжеватой щетиной и, как показалось Мишке, ещё больше вытянулся. Целый день пролежал Алексей за сидевой занавеской на печи. По деревне рыскали полицаи, и он решил переждать с обратной дорогой до ночи.

— А с Гаврюшонком, — басил Алексей, — мы посчитались. Я сам и привёл приговор в исполнение, как к Дедовичам шли. Помнишь, Мишка, этого гада?

Ещё бы не помнить! Мишка да-

же засопел от злости. А всё-таки обидно! Ведь там, у горящего дома, он поклялся отомстить Гаврюшонку за всю семью, а теперь, выходит, Алёша опередил его.

Когда Мишка с Васильком провозжали Алексея, было уже за полночь. Низкие тучи тащились над Кустовом. Пахло горьковатым дымом и оттаивающей землёй. Мишка долго смотрел вслед старшему брату. Разве мог он тогда подумать, что спустя несколько недель Алексей нелепо погибнет, попав во вражескую засаду, что будет он отбиваться до последнего патрона, а последним выстрелом убьёт себя.

Прошло лето, короткое, дождливое. Прошла осень. И снова повалил снег. В начале февраля 1943 года Мишка нашел на выгоне за околицей пачку центральной «Правды». Наверное, ночью здесь, над Кустовом, пролетал советский самолёт. Конечно же, это Мишка смекнул сразу, газеты предназначались партизанам. Теперь во что бы то ни стало надо доставить «посылку» адресату.

Встречу с партизанами устроил знакомый паренёк из соседней деревни.

— Я, брат, тебя с таким грузом прямо в их штаб доставлю. Хочешь? — спросил Мишку приятель.

И не соврал. Утром следующего дня они уже стояли на дощатом полу командирской землянки. Плотный лысый человек в военной португее сверлил Мишку глубоко запавшими серыми глазами:

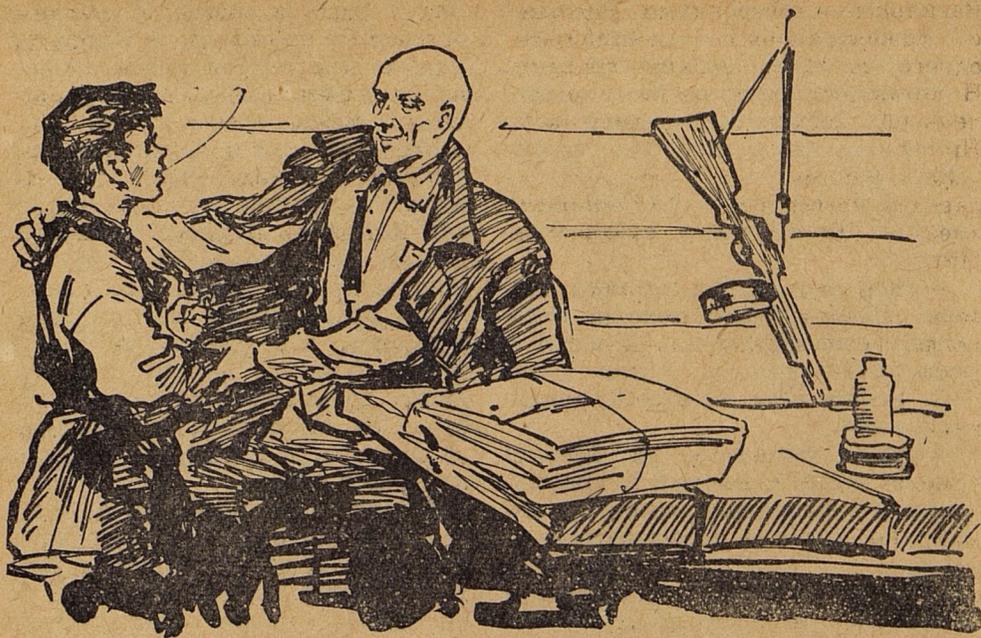
— А ты читал, хлопчик, что в тех газетах написано?

— Ага! — кивнул головой Мишка. — Читал!

— Ну, а понимаешь ты, что для нас значит весть о победе на Волге?

Как давно Мишка ждал такого момента! Ведь вот сейчас перед ним сидит человек, который одним своим словом может сделать его счастливым.

— Товарищ командир, — начал он, стараясь придать голосу со-

лидные нотки. — Товарищ командир, я всё понимаю. Мне уже двенадцать. Возьмите меня к себе. Я обузой не буду. Костёр разжигать умею, из любой глухомани выберусь, а если что — дня два обойдусь без хлеба. Привык.

— Вот это годится, — рассмеялся командир. — Особенно последнее. С провиантом у нас, брат, туго.

Потом командир встал, потёр широкой ладонью лоб и уже совсем без улыбки бросил, проходя к двери:

— Хорошо! Согласен.

Так и стал Мишка самым маленьким партизаном Семёновского отряда. Пришли сюда и Василёк с сестрёнками Марфой и Сашей. Правда, оружия Мишке не выдали. С оружием было так же туго, как и с провиантом. Но на задания взрослые брали с собой Мишку охотно. Мальчишка приглянулся всем — сметливый, а главное выносливый: и на снегу переспать может, и по лесу наравне со всеми километров тридцать в день отмеряет.

Мишка несколько раз отправлялся с небольшой партизанской

группой к линии железной дороги. Проворный, как обезьяна, он почти под самым носом у немецкого часового мог заложить под рельсы толовую шашку...

А однажды его вновь вызвал к себе командир. Теперь он уже не буравил Мишку глазами, а смотрел ласково и даже чуточку грустно.

— Значит, попрощаться нам с тобой надо... Дело вот какое... Нам бои предстоят тяжёлые, а в отряде, сам знаешь, и партизанские семьи есть, и раненые. С таким обозом немец нас быстро в бараний рог свернёт... Так что придётся тебе, Мишка, вместе со всеми безоружными пробиваться в Карамышевский район. Там третья бригада вас на Большую землю переправлять будет...

В поход выступили утром. Один за другим проходили мимо партизанских землянок раненые, женщины, дети.

На исходе второго дня пути решили разбиться на маленькие группы. Партизаны говорили, что так легче проскочить контролируемое немцами безлесное пространство. Мишка оказался вместе с

Васильком и сестрёнками, а также с тяжелораненым командиром одного из Семёновских отрядов Никотановым, его женой и шупленькой голубоглазой девушкой Ниной.

За ужином, когда делили на равные четвертушки оставшийся хлеб, Никотанов подмигнул Мишке:

— А я тебя хорошо помню. Это ведь ты с нами под Шарупой был, когда за немецким поездом охотились?

— Ага, — кивнул головой Мишка.

— Так. Значит, всё верно! — усмехнулся Никотанов. — А посему быть тебе сейчас нашим командиром. Ты в лесу ориентируешься что надо, провиант в деревнях знаешь, как добывать... Только вот взвод у тебя подкачал... Безоружные все... Впрочем, держи! Командиру без этого не полагается... — И Никотанов протянул Мишке трофейный парабеллум.

Но уже с утра стало ясно, что Мишка — командир из неудачливых. Сразу же за частым осинником, через который с полчаса продирался Мишкин отряд, началась мшага, безлесная полоса в коварных зеркальцах открытой воды. И это было бы ещё не так страшно. Но за мшагой поднималась насыпь железной дороги. А по ней, как маятник, вышагивал часовой...

Ждали до вечера. С наступлением темноты насыпь осветил прожектор. Один бы Мишка мигом перемахнул это ерундовское препятствие, а вот как быть с Никотановым, женщинами?

До половины следующего дня пытались обойти охраняемое место стороной, но лишь больше углубились в непроходимое болото.

А Никотанов всё слабел и слабел. Он еле переставлял ноги по чавкающей болотной жиже. А потом на привале бредил во сне, срывал с себя чёрные от грязи бинты.

Наконец они выбрались на песчаные, заросшие бурым вереском

холмы. Здесь впервые за три дня пересекли просёлочную дорогу. Судя по накатанной тележной колее, недалеко находилась деревня. Теперь прежде всего нужно было позаботиться о провианте. Ведь последние картофелины они разделили ещё вчера вечером.

— Ждут меня здесь, — сказал Мишка. — Я мигом!

Уж слишком ласков был благообразный старичок, хозяин самой крайней от околицы избы.

— Нету, родненький, — сразу же запричитал он. — Сам без хлеба мытарюсь... Ты иди, хороший человек, до соседей. У них есть. Они люди справные.

А сосед старичка, безрукий угловатый парень, окинув Мишку оценивающим взглядом, осведомился:

— Ты в крайнем доме был?

— Ага! — подтвердил Мишка.

— Ну и дурак! Старик-то только немцев хлебом да солью встречает... А на таких, как ты, доносит. Вчера тут...

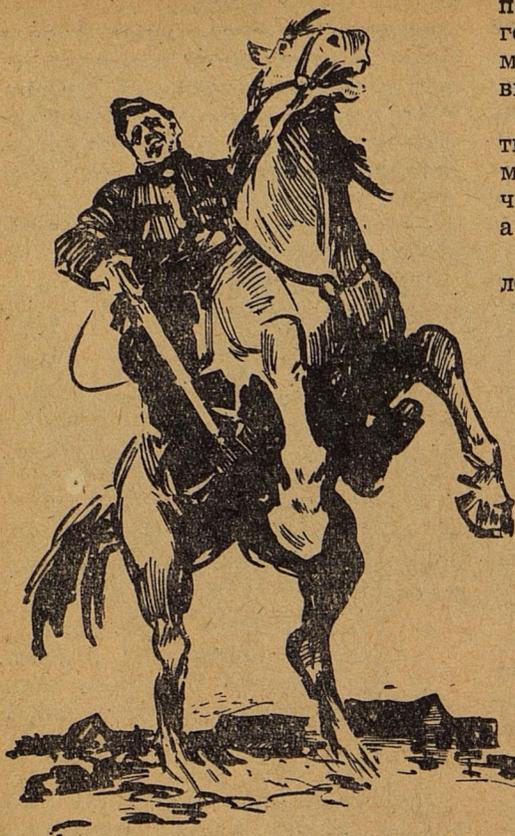
Парень не успел договорить, когда в конце улицы показался всадник.

— Ну вот! — чертыхнулся парень. — Давай-ка ноги в руки... Там за рекой наши.

Легко сказать «ноги в руки». Далеко ли убежишь от коня. Да и местность кругом открытая. А цокот копыт всё ближе...

Он упал прямо в дорожную пыль и прежде чем поднял голову, выхватил из кармана парабеллум. Немец был совсем рядом. Он что-то кричал, размахивая винтовкой. Мишка выстрелил почти не целясь. Мимо!.. Теперь и немец вскинул винтовку к плечу...

И вдруг Мишка ясно понял, что ему нельзя проиграть этого боя, что там, в лесу, в буром вереске, его ждут сёстры и больной Никотанов, что они придут искать его, и тогда... Знакомая злоба комком подступила к горлу. Он привстал на колени и теперь уже совсем спокойно дважды выстрелил в летевшего ему навстречу всадника.

Есть! Лошадь взвилась на дыбы, а затем грузно осела на дорогу.

Кубарем скатился Мишка по холму. Петляя, влетел в густую рожь. А вот и лес...

Потом они долго бредли по чёрному после пожарища лесу. На привалах бредил Никотанов. От голода кружилась голова, хотелось упасть на землю и больше не подниматься... Истекали седьмые сутки пути.

Как сквозь сон, помнит Мишка тех парней в защитных гимнастёрках, которые вышли к ним навстречу, чтобы крикнуть привычнее:

— Кто идёт?!

КАПИТАНСКИЕ ПОГОНЫ

И ВОТ случилось, что вместо Карамышевского района Мишка привёл свой обессилевший «взвод» в расположение второй

партизанской бригады. После того как вновь прибывших покормили и вымыли в бане, Мишку вызвал к себе комиссар.

— Ну, рассказывай, орёл. Кто ты, из каких краёв?.. — Умное, молоджавое лицо комиссара излучало какую-то особенную теплоту, а голос звучал мягко, задушевно.

И Мишка, обычно угрюмый, малоразговорчивый, вдруг, сам того не замечая, принялся выкладывать всё, что пережил за эти годы.

Комиссар пил чай из большой алюминиевой кружки, щурился на неяркий свет керосиновой лампы и время от времени, в такт Мишкиному рассказу, кивал головой:

— Так, значит, хватил лиха...

Спать Мишке постелили в комиссарской землянке. В пе-

чурке потрескивали поленья, домовито тикали ходики... И впервые за долгие месяцы Мишке снился родной дом, травы над Шелонью, чёрный, как сажа, пёс Моряк.

— Вставай, орёл! — разбудил его утром комиссар. — Мне уходить надо... А я хотел сказать тебе вот что. Останешься у меня при штабе. Мне как раз связной нужен.

Вскоре выдали Мишке сшитую из трофейного сукна гимнастёрку, хрустящую португую и ладные кирзовые сапоги. Получил связной и оружие: пистолет «ТТ» и новенький автомат, из тех, что при-

сылали партизанам с Большой земли.

Из-за этого автомата и произошла с Мишкой пренеприятная история, чуть не кончившаяся для него разжалованием из комиссарских связных.

Над лесом, где скрывались подразделения второй бригады, днём и ночью шныряли немецкие самолёты. А один из них, громоздкий и тихходный, кружил над партизанами особенно нахально.

Зло разбирало Мишку: наверное, немец считает, что его с земли никакой пулей не достанешь... И однажды он подстерг момент, вскинул автомат, прицелился в «тихоход» и... «тра-та-та!».

А Василий Иванович Ефремов, так звали комиссара, уже бежит от своей землянки:

— Кто стрелял?!

— Я, Василий Иванович! — вытнулся Мишка.

— Что же ты делаешь, Аника-воин? — побагровел комиссар. — Разве не знаешь, что немец специально нас выслеживал? Всё ждал, что кто-нибудь по нему пальнёт!..

Нахмурился Мишка. Опустил голову:

— Не могу я, Василий Иванович, сдерживать себя, когда рядом фашиста вижу. Не могу...

— Ах так, — лицо комиссара ещё больше налилось кровью. — Значит, не можешь... А о воинской дисциплине ты что-нибудь слышал?

Мишка молчал.

— Двое суток ареста! — круто повернулся на каблуках комиссар.

Два дня и две ночи провёл Мишка в маленькой, специально приспособленной под гауптвахту землянке. А когда вновь предстал он перед Василием Ивановичем, тот, будто и не произошло ничего между ними, протянул ему пакет:

— Отнеси в соседний полк. Только поживее!

Нет, что ни говори, а хороший человек был комиссар. Если такой и накажет, так не обидно. Он напоминал Мишке сразу несколь-

ких людей. Своей яростной ненавистью к фашистам — брата Алексея, неторопливой расчётливостью — отца, жизнерадостностью — первого Мишкиного командира Семёнова. Но была у комиссара и своя особенность. Никогда до этого не встречал Мишка человека, который бы так умел убеждать словом.

Однажды, отправившись в свой очередной объезд по бригадным подразделениям, комиссар и Мишка завернули в одну из плюсковых деревень. Как только прошла весть, что приехал партизанский начальник, у сельсовета собралась большая толпа местных жителей. Что-то хорошего скажет им комиссар?

Поначалу Василий Иванович начал рассказывать народу о партизанских нуждах, о том, как необходима в борьбе с оккупантами постоянная помощь населения...

И вдруг из толпы вырвался чей-то выкрик:

— Ты лучше скажи нам, командир, когда война кончится?

Василий Иванович на секунду умолк. Потом, взяв стоявшего рядом Мишку за плечи, подтолкнул его вперёд:

— А вот вы спросите, сколько у его батьки сыновей и дочерей было?

— Девять... — откликнулся Мишка.

— Слышите, — продолжал комиссар. — Девять! А из них вместе с батькой в партизаны пошли семеро. Все от мала до велика. От нас это зависит, когда конец войне будет!

Из плюсковой деревушки возвращались уже не вдвоем, а в компании четырёх одетых в дублённые полушубки мужиков. Они ехали к партизанам...

— Ты у нас, Мишка, — шутил по дороге комиссар, — вроде плаката призывного. Орёл!

Но кроме Василия Ивановича был в бригаде ещё один человек, к которому Мишка привязался всем сердцем. Как только выдастся свободная минута, комиссаров

связной спешил уже в землянку для радистов...

Веру Ивановну Самохину прислали в партизанский отряд с Большой земли. Невысокая женщина лет сорока, с глубокими морщинами на выпуклом лбу, сразу же взяла Мишку под свою опеку.

— Ты почему это всё время «ага» говоришь, — копаясь в рации, будто между делом, спрашивала она Мишку. — Нужно говорить «да»... Или твой «идё», «приходи»... Разве тебя в школе русскому языку не учили?

— Учили, — кивал Мишка. — Да забылось всё.

— А нужно вспоминать! Скоро война кончится, опять ведь за парту сядешь...

Когда кончалась связь по рации с Большой землёй, Вера Ивановна, усевшись на низкой скамеечке, подолгу рассказывала Мишке о городе на берегу Невы. Там была её родина. И удивительное дело, Мишке казалось, что Вера Ивановна помнит каждую ленинградскую улицу, каждый дом, каждую картину в музее... Временами, заслушавшись её рассказом, он как будто сам бродил по этому чудесному никогда не виденному городу.

Уходя, Мишка пожимал плечами:

— А я вот даже запомнил, какое крыльцо у полуклиники в Железницах...

— «Поликлиники», Миша, — мягко поправляла его Вера Ивановна. — «Поли» — значит много. Эх ты, капитан...

Капитаном Мишку называли в бригаде все. То ли потому что, подчиняясь требованию комиссара, он выглядел всегда по-офицерски подтянутым, то ли из-за его особой должности при штабе, а может быть...

Во всяком случае началось это после одного тяжёлого боя, когда бригада прорывалась из окружения. Тем, кто ушёл на линию прорыва, отдали всё: винтовки, гранаты, патроны. В партизанском

лагере оставались лишь безоружные. Был среди «разоружённых» и Мишка. Он насторожённо расхаживал перед штабной землянкой, прислушиваясь к далёкой канонаде. И вдруг Мишка заметил рыжеголового парня с автоматом на груди. Парень сидел, прислонившись к сосне, и что-то тихо насвистывал себе под нос.

— А ты что с оружием здесь делаешь? — окликнул рыжего Мишка.

— Я-то? — повернулся к нему парень. — Склад с продовольствием охраняю.

— От кого?

Парень молчал.

— Ну, вот что! — вплотную подошёл к нему связной. — Хватит врать! Иди-ка лучше туда, где ты должен быть.

— А ты что, командир какой, чтобы мне приказывать? — медленно поднялся с земли парень. — Капитан, может быть?..

— Если хочешь, да! Для тебя сейчас капитан! — неожиданно громко крикнул Мишка. — А ты трус! Вот кто!

Толпа партизан обступила их с четырёх сторон.

— Давай автомат, — дрожа от ненависти к рыжему, кричал Мишка. — Давай, я пойду!

И парень вдруг словно сжался от этих слов. Ещё секунду он, как бы ища поддержки, шарил глазами по лицам людей, а потом повернулся и зашагал в сторону боя...

Что ж, может быть, Мишка и сам назвал себя тем именем, которое подхватила затем вся бригада. Может быть...

А между тем мог ли он предполагать, что спустя несколько месяцев ему и впрямь подарят капитанские погоны.

Встреча партизан второй бригады с действующими частями Ленинградского фронта произошла в деревушке, носящей поэтичное название Рассвет. А на следующий день Мишку вызвал к себе командир бригады Синельников.

— Товарищ майор, — щёлкнул каблуками Мишка, — разрешите обратиться.

— Не ко мне, — улыбнулся Синельников. — Тут товарищи старше меня по званию есть, — и он кивнул головой на пожилого человека в генеральской шинели.

Генерал подошёл к Мишке и протянул ему руку. Заглядывая в глаза, спросил:

— Это ты и есть капитан Богданов?

— Называют так... — потупился Мишка.

— И правильно называют, — сказал генерал. — Мне тут твою историю рассказали. И про отца, и про братьев. И я подумал, ты и впрямь достоин капитанского звания. Жаль только присвоить его тебе нельзя. Годами не вышел. А погоны капитанские дарю! Дарю в память о твоей честной партизанской жизни...

И он протянул Мишке поблёскивающие звёздочками погоны.

Первого марта 1944 года партизанские части входили в разорванный кольцо блокады Ленинград. По обеим сторонам улиц стояли люди. Тысячи, сотни тысяч людей. А Мишке казалось, что он уже встречал их раньше. Может быть, в рассказах Веры Ивановны, а может, у лесных костров...

На площади у Нарвских ворот к Мишке подошёл комиссар Ефремов. Он улыбался добрым, усталым лицом:

— Партизаны решили, чтобы на митинге перед ленинградцами от нашей второй бригады выступил ты... Тебе доверили...

А потом в Мишкино лицо ударил яркий свет прожекторов. Внизу под трибуной гудел необозримый океан людей.

— Товарищи! Ленинградцы!.. — начал Мишка.

Мартовский, пахнувший талой землёй ветер наполнил грудь... Трудно, очень трудно говорить, ко-

гда память уносит тебя далеко назад. Трудно говорить, когда впервые за четыре года войны тебя душат слёзы...

СЕМНАДЦАТЬ лет прошло с той поры. Многих людей, о которых рассказано в этой истории, уже нет в живых. Умер бывший комиссар второй партизанской бригады Василий Иванович Ефремов, у себя в родном Остром Камне скончался Мишин отец Фёдор Васильевич.

Ну, а Миша Богданов? Он живёт в маленьком русском городке Вышний Волочок в доме номер двадцать два по Шестой Пролетарской улице. Специальность у Миши Богданова беспокойная — шофёр. Водит он в дальние рейсы грузовые машины... Под окнами Мишиного дома растут молодые яблони. Анис, антоновка, карабка... Они не узнают пожарниц, эти яблони.

З А Я Ц

Ехало в трамвае
Много пассажиров:
Бабушка седа
С внучкою-задирой,

Женщина с кошёлкой,
Постовой сердитый,
Дама с модной чёлкой
И мужчина бритый.

Люди в окна смотрят:
Снег последний тает.
Но пронёсся шёпот,
Что в вагоне заяц.

Очень редкий случай...
И потехи ради
Беленькие уши
Все хотят поглядить.

Но ошибка вышла:
Зайцев вовсе нету,—
Маленький мальчишка
Едет без билета.

Безбилетный заяц,
Ну-ка, вылезай-ка!

ВЕСЁЛЫЕ КАРТИНКИ

★

РЕБЯТА, вы, конечно, знаете журнал с таким необычным названием — «Весёлые картинки». Знаете героев журнала, маленьких весёлых человечков: Карандаша, Самоделкина, Дюймовочку, Незнайку, Чиполлино, Буратино и Петрушку. Сегодня весёлые человечки у нас в гостях. Они привезли весёлые стихи, рисунки, сказку и загадки.

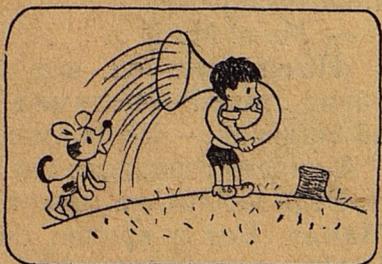
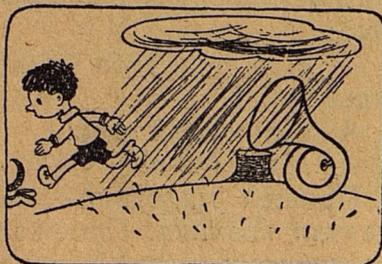
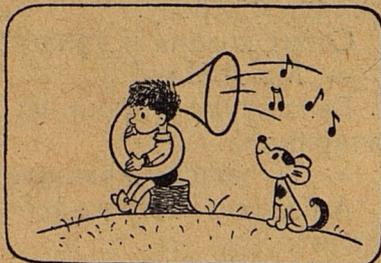
★

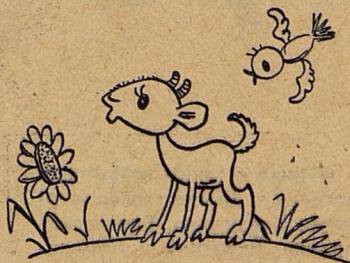
Мой приятель — рыжий
Влас
Удивил сегодня класс.
Грубых слов не говорил он,
Не катался по перилам,
И ногой
чужой пенал,
Словно мячик,
не пинал.
— Ай да рыжий!
Ай да Влас! —
Восхищался первый класс...

Целый день он был
культурным,
Потому что был...
дежурным.

Стихи М. Пляцковского
Рисунки Л. Филипповой
и В. Чижикова

СКАЗКА О МАЛЕНЬКОМ КОЗЛИКЕ

(ПОЛЬСКАЯ СКАЗКА)

Привязал кто-то маленького козлика к дереву.

Стоит козлик и кричит:

— Мэ-э! Мэ-э!

Выглянула птичка из гнезда и зачирикала:

— Ты почему кричишь? Скажи!

А козлик, словно нарочно, опять кричит:

— Мэ-э! Мэ-э!

Рос под деревом цветочек. Поднял он головку и спрашивает козлика:

— Может, у тебя болит что-нибудь?

А козлик знает своё:

— Мэ-э! Мэ-э!

Пришёл маленький мальчик и отвязал козлика. Побёжал козлик по зелёному лугу. А на лугу паслась коза. Увидал её козлик и ещё сильнее закричал:

— Мэ-э! Мэ-э!

«Почему же он, всё кричит и кричит «мэ»? — подумал маленький мальчик. — Не поймешь!»

А ничего странного здесь не было. Ведь козлик не может сказать: «Мама». Вот и кричал он: «Мэ-э! Мэ-э!»

Кто я теперь

Мне очень обидно,
Что папа и мама
Меня называют
Ребёнком прямо.

— Ребёнок болеет!
— Ребёнок проснулся!
— Ребёнок усталый
Из школы вернулся... —

И даже сосед —
Пятиклассник Серёжа —
Нарочно ребёнком
Зовёт меня тоже.

Зато я сегодня
Из школы приду
И дома при всех
Разговор заведу.

Приду и скажу:
— Я теперь не ребёнок.
Вы знаете, кто я такой?
ОК-ТЯВ-РЁ-НОК!

У Г А Д А Й

Однажды решили весёлые человечки устроить загадочное соревнование — кто самую загадочную загадку загадает, тот будет победителем.

Первым загадал загадку Карандаш. Он пригладил свои пушистые волосы и сказал:

— Нос как у свинки, да колки щетинки. Кто это?

Потом Петрушка взмахнул своим колпачком с бубенчиком и спросил:

— Кто это? Зимой спит, летом ульи во рошит.

Чиполлино сначала подёргал себя за зелёные пёрышки и только после этого загадал свою любимую загадку:

— Сидит дед, в шубу одет, кто его раздевает, тот слёзы проливает.

Настала очередь Самоделкина. Он почесал свой винтик-нос и сказал:

— Скручена, связана, на кол насажена, а по избе пляшет. Что это?

Затем наступила очередь Незнайки. Незнайка нахлобучил свою широкополую шляпу на самые глаза и быстро-быстро забормотал:

— Без хвоста, без мордочки два соболя на жердочке. Им не спится, не сидится, хочется воды напиться.

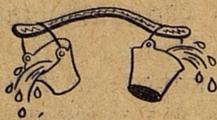
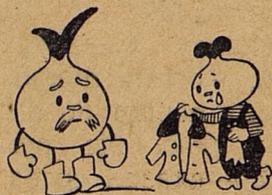
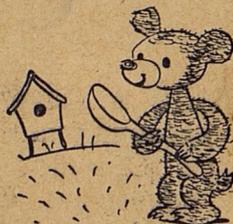
Дюймовочка посмотрела в окно, поправила свою цветную шапочку и загадала такую загадку:

— Один пастух тысячи овец пасёт. Это что такое?

Последним загадывал Буратино. Он спросил:

— В печку — чёрный, а из печки — красный. Кто это?..

Отгадайте, ребята, загадки весёлых человечков!

С о с е д и

ПРИДЯ из школы, Сенька протопал на кухню и стал мыться. Обычно он не имел этой привычки: ещё и днём мыться! Но сегодня уж очень извозился.

Мылся Сенька, как котёнок, — одной рукой осторожно водил вокруг носа.

— Хоть бы рукава закатал, — сказал сосед пенсионер Константин Константинович, которого Сенька для быстроты звал «Кстин Кстиныч». — Ну что за мытьё в рубахе? Шею, шею потри. И уши...

Сенька не слушал старика. Вечно ворчит. Такой чистюля!.. То, мол, вокруг раковины весь пол облил, то тряпку на кухне не туда положил, то коридор плохо подмёл.

А тут ещё Анфиса Григорьевна — маникюрша:

— Это не мытьё, а абсолютная пародия. Наглядный результат безотцовщины...

Насчёт «безотцовщины» она каждый день вспоминает. Всё старается заменить Сеньке отца. Узнает, что двойку схватил, полчаса нудит: мол, государство заботится о тебе, столько денег тратит на обучение, а ты... И тэ дэ и тэ пэ. Увидит, что Сенька ботинки порвал, и опять: где же на тебя напасть, гоняешь в футбол, как угорелый! Заботится! А кто её просит? Красила бы ногти

своим дамочкам, а в чужие дела не встревала.

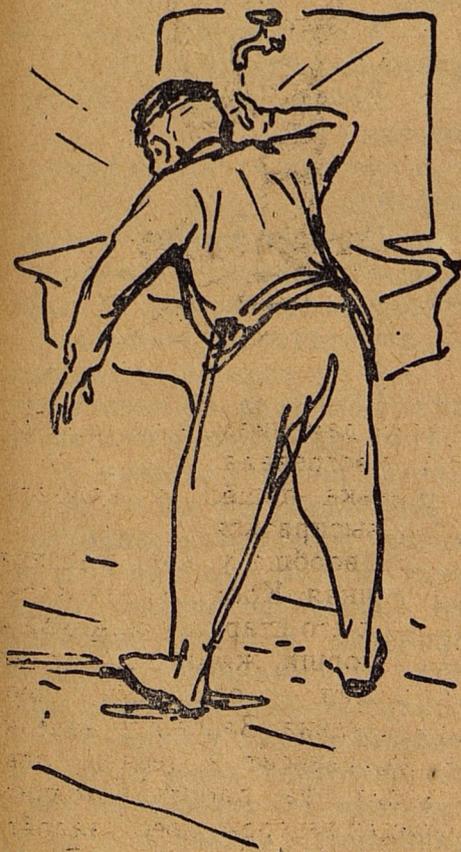
Сенька пошёл в комнату, стал вытираться.

Да, вообще у них квартира неудачная. Кроме Кстин Кстиныча с его старушкой женой и маникюрши, живёт ещё Архип Петрович — огромный угрюмый дядька. За целую неделю не произносит и десяти слов. Уходит на работу — молчит. Придёт вечером, поест, запрётся — и опять молчит. Редко

слышал Сенька хоть слово от Архипа Петровича. А когда слышал, всегда удивлялся: голос у этого огромного дяди почему-то тонюсенький, как у девчонки.

В общем — занудливая квартира подобралась.

Вот у Витьки, — ну, у того, у которого нос вздернут, дырочки кверху; кажется, если ливень — непременно вода туда польётся, — так вот, у Витьки сосед — китобой. По многу месяцев он плавает, но потом всё-таки возвращается. В комнате у него чего-чего только нет! На стене — почерневший гарпун, длинный, вроде пики. Когда-то били китов такими. Возле гарпуна висит барометр. Старин-

ный, медный. И надписи старинные, с ятями и частыми твёрдыми знаками.

И ещё есть у китобоя сапоги, такие огромные, что Витькина сестрёнка целиком, с кошечками, запросто помещается в одном сапоге.

А фотографий у этого китобоя!.. Тут тебе и бог Нептун купает моряков. Прямо в одежде, в фуражках и ботинках! Тут и фонтаны от китов, и иностранные улицы, и корабли.

И главное, этот китобой очень весёлый. Всегда пускает к себе Витьку и даже с сестрёнкой, фотографии им показывает и всякие смешные истории вспоминает.

Это тебе не Архип Петрович! Тот вечно запирается у себя в комнате, как в норе. И оттуда ни-ни!..

А ещё у Витьки живёт в квартире фотокорреспондент. Везёт же этому Витьке! В такой квартире не заскучаешь!

Сенька повесил полотенце, поглядел на стол: на сковородке — картошка с колбасой, в кастрюльке — суп. И рядом записка: «Пагрей обед. За хлебом и за квартирой не забыть. Мама».

Сенька красным карандашом жирно, как это делает учительница, подчеркнул ошибки.

«Остатки проклятого прошлого», — вздохнул он. Мать окончила всего два класса.

Греть обед Сенька не стал. Лишняя возня. Поел, вынес кастрюльку и сковороду на кухню.

— Опять холодное проглотил! — затараторила маникюрша. — Комья жира абсолютно как ледяшки.

Всё-то она замечает! Нюх прямо, как у СРС — служебно-розыскной собаки.

— И вовсе не ледяшки, — буркнул Сенька. — Ледяшки прозрачные, а тут...

Он ушёл к себе в комнату. Снова прочитал записку.

«Так. Хлеб и за квартиру».

Деньги лежали тут же на столе, рядом со счетами-жировками.

Сенька оделся, вышел на улицу. В булочной купил батон и полкаравая круглого. Насвистывая, размахивая «авоськой», зашагал дальше.

В приходной кассе к зарешеченному окошку контролёра тянулась очередь. Сенька стал в конец.

«Развязаться бы скорей, — подумал он. — Надену коньки — и во двор».

Очередь двигалась быстро. Вот уже и Сенька очутился возле окошечка. Сунул руку в карман пальто... Что такое?!

Положил «авоську» с хлебом на барьер, быстро проверил второй карман... Нету! Ни жировок, ни денег!

— Быстрее, мальчик. Не задерживай! — сердито сказала важная усатая контролёрша.

— Сейчас, сейчас. — Сенька расстегнул пальто, обшарил карманы брюк. Может, туда сунул? Правда, он помнил, что деньги были в пальто, но мог же переложить!

В брюках тоже ни жировок, ни денег не оказалось.

— Ну, мальчик! Ищи скорей! Нёкогда! — заволновались в очереди.

— Сейчас, сейчас, — бормотал Сенька.

Вывернул наружу карманы пальто: со звоном посыпались на пол медная гильза от патрона, какие-то стёклышки...

Ни денег, ни жировок...

Сенька побледнел. Беспokoйно шумевшая очередь насторожилась, затихла.

— Небось дома забыл? — сочувственно прошамкала какая-то старушка.

Сенька мотнул головой. Нет, он твёрдо помнит: в булочной, когда покупал хлеб, и жировки, и деньги были на месте. Вот тут, в пальто, в правом кармане.

— А сколько денег-то? — не унималась старушка.

— Девять рублей... За два месяца чтобы...

В очереди ахали, качали головами:

— Попадёт теперь мальцу...

Даже сердитая важная контролёрша высунулась из окошка, участливо посоветовала:

— А ты вспомни, куда заходил? Беги туда, не нашли ли...

И правда! Надо в булочную! Сенька ринулся к двери.

Взмокший, еле переводя дыхание, ворвался он в булочную. Но там денег не находили. Сенька потоптался возле прилавка, оглядел каменный пол, посыпанный мокрыми опилками, заглянул под мраморный столик у окна, зачем-то посмотрел даже в урну и, чувствуя, как слёзы сами наворачиваются, вышел на улицу.

«Что же теперь?..»

Снова прошагал от булочной до приходной кассы, внимательно обшаривая глазами панель. Нет, ничего... Медленно прошёл обратно. Тоже ничего.

Домой идти не хотелось. И во двор тоже. Без цели слонялся он по улицам.

Уже смеркалось. Пали мягкие мокрые хлопья снега. Кое-где в окнах зажглись оранжевые, жёлтые, красные огни.

...Мать была уже дома. Когда Сенька вошёл, она сразу поняла: что-то случилось.

— Ну?

Кусая губы, уткнувшись глазами в пол, Сенька рассказал.

— Горе моё! — Мать схватила его за руку, выволокла на кухню. Это у неё привычка: обязательно, чтобы все видели.

— Девять рублей! — кричала она. — Целых девять рублей!

Сбежались все жильцы. Даже угрюмый Архип Петрович пришёл. Ахали, сочувствовали, успокаивали.

— Девять рублей! — повторяла мать. — Я всего-то сорок четыре получаю. А этот злодей девять... Так вот просто взял и выбросил!

Маникюрша всплеснула руками:

— Да, дети — это абсолютный кошмар.

Потом сказала:

— Главное, спокойствие. Расскажи, Сеня, по порядку. Сколько было денег? Какие купюры? Куда ты их положил? Может, сообразим что-нибудь...

— Чего уж — купюры! — махнул рукой Сенька. Но мать прикрикнула на него, и он неохотно пробормотал: — Девять рублей. Три трёшки. Свернул их вместе с жировками и — в пальто, в правый карман...

— Кто же деньги снаружи носит? — покачал головой Кстин Кстиныч. — Эх, раззява...

— Ну, дальше? — теребила маникюрша.

— А чего дальше? Всё. Пришёл в кассу, а денег нету...

— Сташили, — вздохнул Кстин Кстиныч.

Жильцы ещё потолковали, поахали, но что уж тут поделаешь? Вскоре кухня опустела.

А мать ещё долго пилила Сеньку. Он, мол, и непутёвый, и лоботряс, и растяпа... Этой-то пилки Сенька больше всего не выносил. Уж стукнула бы, что ли?! И то лучше.

Наконец мать замолчала: видно, устала. Сенька с учебником забился в уголок. Долго сидели так, тихо-тихо...

Вдруг в дверь постучали. Вошла маникюрша и за нею Архип Петрович. Всегда угрюмое, иссечённое морщинами лицо его нынче словно разгладилось. А маникюрша прямо-таки светилась.

— Вот, идём мы, значит, с Архипом Петровичем, абсолютно спокойно идём, — затараторила она. — И вдруг видим, валяются... — Она сунула руку в карман и достала какие-то бумажки.

Сенька даже не поверил: жировки и деньги! Те самые три зелёные трёшки и узкие бе-

лые счета. Точно: Васильевой, за октябрь и ноябрь.

— Ой! — мать даже побледнела от неожиданности. — Нашли?

— Нашли, нашли! — радостно подтвердила маникюрша, и Архип Петрович тоже кивнул головой.

— Идём мы, значит, с Архипом Петровичем, абсолютно спокойно идём, — опять начала маникюрша. — А они лежат. Комочком так и лежат.

Архип Петрович опять кивнул.

Сенька всё ещё не мог поверить. Такая удача! Впрочем, сомневаться невозможно. Вот они, те самые жировки. Внизу ещё мелким шрифтом набрано: «приказ вкладчика сберкасы». Это Сенька запомнил. На

его жировках так и было: «приказ вкладчика...» И фамилия «Васильевой М. Г.» вписана химическим карандашом. Всё точно.

— Ну вот, — улыбаясь, сказала маникюрша. — Всё хорошо, что хорошо кончается. А больше не теряй! — Она потрепала Сеньку по голове. — Счастье, что до нас никто не подобрал. Ведь по лестнице столько ходят! Вверх-вниз, шмыг-шмыг, без конца...

Сенька оторопел.

— Где? — спросил он. — На лестнице?

— Абсолютно верно, — откликнулась маникюрша.

— На втором этаже, — добавил Архип Петрович.

Голос у него был писклявый, но Сенька сейчас даже не заметил этого.

«Как же так? — торопливо думал он. — На лестнице? А ведь в булочной жировки ещё были... Точно. В правом кармане. Когда платил за хлеб,

вынул их, потом опять положил. Да, точно. Как же... На лестнице?..»

Весь вечер он был рассеянный, вяло поужинал, потом пошёл к Кстин Кстинычу смотреть телевизор. На экране потешал зрителей забавный клоун Олег Попов. Все смеялись, Сенька смеялся вместе со всеми, а сам всё думал: «Как же?.. На лестнице...»

Наконец не выдержал, пошёл к маникюрше, срывающимся голосом рассказал ей, в чём дело.

— Ты спутал, — сказала маникюрша. — В булочной у тебя ни жировок, ни денег уже абсолютно не могло быть. Ты потерял их сразу, как вышел из квартиры...

Сенька пристально глядел на неё: нет, не смутилась и голос не дрогнул.

Как же так? Спутал? Нет, он не спутал. Он точно помнит...

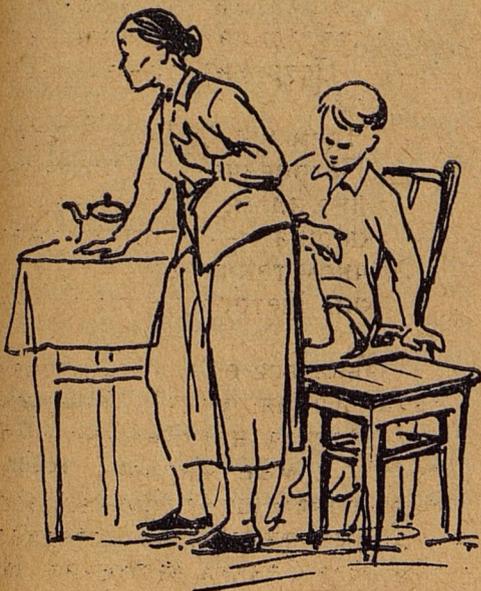
Спал Сенька тревожно. Ворочался, что-то бормотал, дважды даже вставал напиться из графина.

Утром, когда он проснулся, матери уже не было. Голова у Сеньки гудела. И весь он был какой-то разбитый. Но зато теперь он точно знал, что делать.

В школе он с трудом высидел все шесть уроков и, не заходя домой, сразу направился в жилищную контору. Там сидел старичок управляющий и напротив него — бухгалтерша.

Сенька подошёл прямо к ней.

— Я из двадцать седьмой квартиры, Васильев, — запинаясь, сказал он. — Меня ма-

ма... Мы жировки потеряли. Ну, и вот. Выпишите нам снова...

Бухгалтерша удивлённо посмотрела на него, сняла очки и развела руками:

— Но ведь вчера вечером уже кто-то приходил? Да, женщина. И тоже сказала, что Васильевы потеряли жировки. Я ей сразу и дала копии...

«Так, — Сенька молча повернулся к дверям. — С жировками всё ясно. А деньги?»

Впрочем, Сенька уже не сомневался: конечно, маникюрша сговорилась с Архипом Петровичем, а может, и с Кстин Кстинычем. Сложилось — и вот...

«Нашли, — усмехнулся Сенька. — На лестнице!..»

Почему-то вспомнилось, как весною маникюрша купила новую шляпу. Наденет, и кажется, на голове выросла целая клумба, столько цветов было на шляпе. И вот как-то Сенька украдкой оторвал одну розочку, назавтра ещё бутончик... Постепенно клумба сильно поредела. Когда маникюрша заметила убыль цветов, она вспыхнула, стала красной, как маки на её шляпе. Но промолчала. И так же молча выбросила шляпу в мусорное ведро.

Что особенно тогда поразило Сеньку — даже матери не наядбедничала.

«Ишь, ты! — с запоздалым раскаянием подумал Сенька. — Гордая!»

Теперь ему было уже непонятно, когда и за что он так

невзлюбил маникюршу, почему давно уже решил, что она вредная?

«Надо всё рассказать матери. Как они «нашли», — подумал он. — Обязательно».

Засунув руки в карманы, он широко шагал по улице. Неожиданно палец его провалился куда-то в глубь пальто. Он остановился, вывернул карман. Так и есть — дырка.

«А вдруг?!» — мелькнула догадка.

Тут же на улице стал быстро ошупывать правую полу пальто. Пальцы наткнулись на какой-то бугорок. Прорвав пошире дырку в кармане, Сенька вытащил из-за подкладки провалившиеся туда жировки и деньги.

«Здравствуйте, — обрадовался он. — Вот так номер!»

Весёлый, вприпрыжку помчался он домой. Во дворе на скамеечке сидел Кстин Кстиныч и читал газету. Держал он её так далеко от себя, словно это не газета, а большое зеркало.

— Кстин Кстиныч! — Сенька бросился к нему. — Нашлись! Те самые! Вот, пожалуйста!

Старик опустил газету.

— Опять нараспашку? Или трудно застегнуть пальто? — укоризненно покачал он головой. — И учти: кричать на улице нехорошо...

«Ворчи, ворчи! — весело думал Сенька. — Ворчи, пожалуйста. Теперь-то я тебя знаю... Насквозь вижу...»

Ребята из Скобского дворца

БЕЗРЕЗУЛЬТАТНЫЙ ПОДИНОК

ВСЕ теперь глядели на Ванюшку и на Петьку-Цветка. Словно укушенный бешеной собакой, ни с того ни с сего рассвирепев, Цветок лез с кулаками к Ванюшке, вызывая ее предлагая:

— Хочешь, дам в зубы?.. Хочешь?..

— Попробуй дай... — в свою очередь ошетинился Ванюшка, тоже засучивая рукава, готовый перед всем народом поддержать свою честь. Он было шагнул к Цветку, но тут решительно вмешался Царь. Был он пасмурен и мрачен, как тёмная ночь, и заикался больше обычного.

— С-стой!.. — приказал он противникам. — Ч-чур, драться по-честному... — Он был явно настроен враждебно против Ванюшки, но по-прежнему не хотел кривить душой.

Сразу же появились добровольные арбитры-секунданты и отвели соперников на положенное расстояние — дистанцию.

— Биться, пока кто-либо не плюхнет на землю, — заявили они.

— А ежели сразу очухается?.. — задал кто-то из скобарей издавна спорный вопрос.

— Тогда начинать сначала... — авторитетно заявил Копейка, нетерпеливо потирая руки.

Секунданты тоже засучили рукава. Все с заметной неприязнью смотрели на Ванюшку. У него было такое ощущение, словно скобари собирались бить его скопом.

Были прочерчены на земле линии. За положенную черту ни один из соперников не имел права отступать.

По сигналу Царя противники пошли друг на друга, замавав кулаками. Ванюшка был сильнее, но Цветок увертливее. Первый удачный удар нанёс Цветок. Ванюшка, тоже изловчившись, отквитал свой промах. Они замолотили друг друга кулаками. Под неистовые вопли и крики мелюзги Ванюшка двинулся в решительное наступление, но тут Цветок, не выдержав, дал ногой пинок Ванюшке, от которого тот сразу съёжился. Секунданты немедленно развели соперников.

Все ждали, что скажет Царь. Цветок явно поступал нечестно.

— С-скотина!.. — не вытерпев, сказал Царь Цветку. Все единодушно согласились.

Но тут Царя позвали домой. И поединок закончился ничейным результатом. Продолжать

драку соперники больше не пожелали.

Вернулся Ванюшка на кухню чайной «Огонёк» в самом плачевном виде — прихрамывая, с синяком под глазом, — но гордый и сияющий.

— Ты ли это, Якунькин-Ванькин?.. — осведомился дед, выходя из-за стеклянной стойки буфета. — Разделали тебя, Якунькин-Ванькин, под орех!

— Опять с мальчишками подрался? — грозно спрашивала мать. — Посмотри на себя-то. На кого ты похож?

— Чего не поделили-то, забодай вас комары да мухи?.. — допытывался дед.

Ванюшка долго отмывался над раковиной, приводя себя в человеческий вид. Устроившись поудобнее за столом, он предался заманчивым мечтам, снова вспоминая только что пережитые события. О чём-либо говорить домашним он решил пока воздержаться.

Мечтать, однако, помешала Катюшка-Огурец. Поднявшись на цыпочки, она заглянула в открытое окно кухни и, увидав Ванюшку, громким шёпотом позвала:

— Ванюша!.. Выйди-ка сюда!.. Что я тебе скажу!..

«Наверно, Фроська послала...» — догадался он, опрометью выскакивая на двор.

Но он горько ошибся.

ВАНЮШКА ПОПАДАЕТ В ТЯЖЕЛОЕ ПОЛОЖЕНИЕ

КАТЮШКА стояла у подъезда в своём заношенном до дыр пёстром ситцевом платьишке, как-то криво опу-

стив одно плечо и подняв другое. Белобровое, с чёрной родинкой возле носа, лицо у неё было унылое-преунылое, а глаза часто моргали, словно она собиралась пустить слезу.

— Ну-у... Чего тебе?.. — спросил Ванюшка, беспокойно и выжидающе поглядывая по сторонам.

Катюшка ничего не ответила.

Так они стояли и молчали: он со всё усиливающимся нетерпением, ожидая и глядя на неё, а она — потупив глаза, тяжело вздыхая.

Наконец она подняла глаза и, собравшись с духом, разом отчаянно всё выложила:

— Ты Фроське не верь. Фроська Петьку больше уважает, чем тебя...

— Ну и пускай... — рассердился Ванюшка.

— Фроська тебя Чайником обзывает... Нужен он мне, говорит, как гвоздь в сапоге... Вот лопни мои глаза... — скороговоркой спешила высказать Катюшка, преданно и по-прежнему жалостливо глядя на Ванюшку своими простодушными, без какой-либо хитринки, бирюзовыми глазами.

Ванюшку всего покорило от сравнения его с гвоздём, но всё же он мужественно промолчал, удивляясь, какая сила могла толкнуть Катюшку на столь явное предательство. По законам Скобского дворца следовало бы ей дать хорошего подзатыльника — не ябедничай! Но она была девчонкой...

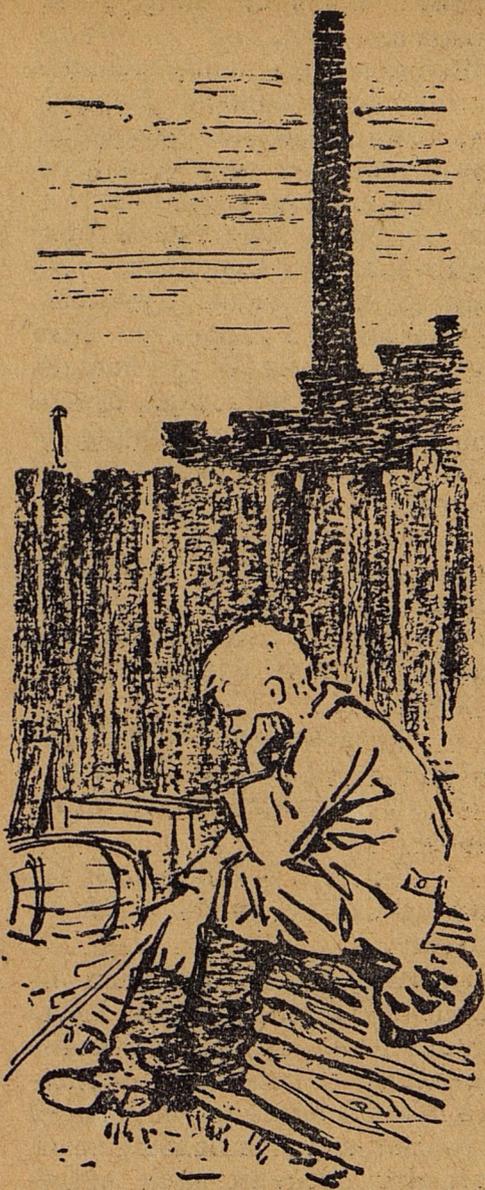
Снова пытливо взглянув Катюшке в глаза, Ванюшка вдруг всё понял и... покраснел. Катюшка любила его, очевидно так же верно и беззаветно, как он любил Фроську. Суровый Ванюшкин взор сразу смягчился.

Конечно, ни в какое сравнение с Фроськой она не могла идти. Даже если бы все девчонки Скобского дворца дружно разом стали хаять Фроську, всё равно ничего у них не получилось бы. За Фроську он теперь, не задумываясь, отдал бы не только свою жизнь, но и всех скобарей в придачу.

Катюшка отошла от Ванюшки обиженная. Две слезинки выкатились у неё из глаз. Ожидала она, что Ванюшка скажет ей: «Пойдем, Катюшка... (Или, еще лучше, назовёт Катей.) Пойдем на улицу...» Она, не задумываясь, с большой радостью побежала бы за ним. Но Ванюшка ничего ей не сказал и отошёл, явно смущенный.

— Зятёк!.. Зятёк!.. — неистово завопила мокроногая, голопузая мелюзга, когда Ванюшка появился среди ребят.

Новая кличка Ванюшки, к его большому неудовольствию, грозила теперь заменить прежнюю, чего Ванюшка никак не хотел: он уже примирился с прежней. По опыту зная, что лучше в подобных случаях и виду не показывать, что обижаешься, Ванюшка притворился глухим, хотя всё в нём кипело. И тут навстречу Ванюшке попался Царь со своей свитой из нескольких скоба-

рей. Он даже не взглянул на Ванюшку и проследовал мимо с холодным, как камень, лицом. На сердце у Ванюшки похолодело. Он понял, что Царь его почему-то разжаловал.

В этот день Царь вообще был неузнаваем. «Государственную думу», собравшуюся было на задворках, возле по-

мойки, чтобы обсудить неотложные дела, он разогнал. Многие из его приближённых в этот день, подобно Ванюшке, тоже были разжалованы. Некоторых он собственноручно побил. Царь даже поругался со своим крестовым братом — Серёгой-Копейкой, чего раньше никогда не случалось.

Совершенно непонятно вела себя и Фроська. Встретившись с Ванюшкой, Фроська... ослепла. Она даже не взглянула на него. Носилась Фроська, как чумовая, по всему двору: то там, то тут мелькал её новый, василькового цвета с белыми полосками, сарафан; тормозила она девчонок, ребят, а к Ванюшке даже близко не подходила.

— Фроська тебе кукиш показала... — доложил Ванюшке его добровольный слуга Кузька-Жучок.

— Когда?.. — осведомился Ванюшка, не узнавая своего голоса.

Жучок ничего от него не утаивал. Отблагодарив Кузьку куском сахара, Ванюшка решительно подошёл к Фроське. Намеревался он учинить ей строгий допрос и больше не отпускать от себя, зная ветреный характер своей подруги.

— Что скажешь?.. — сердито осведомилась она. — Чего ты бегаешь за мной?

Недоуменно пожав плечами, Ванюшка хотел отойти. Но тут к нему подлетел Цветок.

— Чайник... Сто да сто, сколько будет?.. — озабоченно наморщил он лоб.

— Двести... — не сообразив,

быстро откликнулся Ванюшка.

— Сиди, жених, на месте, — победоносно обрезал его Цветок и умчался, блеснув своими рыжими вихрами, дальше, искать таких же, как и Ванюшка, простаков.

Фроська во всё горло захотала. Засмеялись и остальные.

Позеленев от такого вероломства, Ванюшка, закусив губы, немедленно ушёл домой. Дома он завязал узелок на платке и положил платок на приметное место: должен был этот узелок напоминать Ванюшке о вероломстве Фроськи.

ЛЕГКОМЫСЛЕННЫЙ ПОСТУПОК

ДОМА Ванюшка долго не усидел и снова вышел во двор. Теперь он уже больше не глядел на Фроську, даже и близко не подходил к ней. Разом освободившись от рабской зависимости, Ванюшка чувствовал себя вольным человеком. Но сердце у него всё ещё щемило... Снова встретившись с Катюшкой, он дружелюбно протянул ей кусок сахара.

— Хочешь... бери?.. — грубовато предложил он.

Вся вспыхнув, Катюшка взяла сахар.

— Ешь, я ещё принесу... — добавил Ванюшка.

Хотелось ему положить Катюшке руку на плечи и пройти с ней по двору. Пускай поглядели бы — какой он Фроське жених... Больше ни один зловредный голос не смел бы обозвать его зятком! Но

такой отчаянной смелости у Ванюшки не оказалось. Он только отвёл Катюшку к забору, посадил на лавочку и стал ласково разговаривать с ней.

И тут совершенно неожиданно Фроська сама подошла к ним. Очевидно кто-нибудь ей уже насплетничал. Увидав Фроську, Ванюшка растерялся. Вся решимость снова стать свободным, независимым человеком мигом у него испарилась под насмешливым, злым взором Фроськи. Он хотел было отодвинуться подальше от Катюшки и посредине посадить Фроську, но не тут-то было. Катюшка цепко держала его за рукав.

— Кать, поди сюда! — повелительно позвала Фроська свою подружку.

Катюшка сидела неподвижно.

— Кать! На минуточку... — уже ласково попросила Фроська.

— Не пойду... — отозвалась Катюшка, не выпуская рукава Ванюшки из своей руки. Лицо у неё пылало.

У Ванюшки было такое ощущение, что Фроська сейчас же растерзает Катюшку, а Ванюшке плюнет в глаза. Но терзать бедную Катюшку Фроська не стала. Больше ничего не сказав, Фроська недовольно вздёрнула плечами и отошла в сторону.

КОВАРСТВО И ЛЮБОВЬ

КАК случилось, что Ванюшка, не поговорив толком с Фроськой, так легкомысленно изменил ей, он и сам не знал.

Подходили к нему Купчик, Жучок, но Ванюшка не захотел с ними разговаривать. Подошла было Катюшка, но Ванюшка показал ей спину.

Увидав Царя, Ванюшка насторожился. Был Царь особенно мрачен. Глубокая морщинка лежала у него на лбу. Губы были крепко сжаты. Вышла Фроська, села рядом с Царём у забора на лавочку, а по другую сторону от себя положила камень, чтобы Ванюшка не вздумал присоединиться.

Она шутливо сдвинула Царю картуз на глаза. Потом легонько толкнула в бок. Царь впервые за весь день улыбнулся, и глубокая морщинка, прорезывавшая ему лоб, разгладилась.

Теперь для Ванюшки стало всё ясно — не Цветок был его соперник, а сам Царь. Не желая смотреть, как они любезничают, Ванюшка не в силах был уйти домой. Всё ещё он надеялся, что Фроська образумится и расстанется с Царём. Пока Ванюшка ждал, на дворе появилась хилая, сгорбленная тётка Типки — Иваниха и, как обычно сердито, погнала его домой. Иванихе Царь добровольно подчинялся и даже терпел от неё побои. Почему-то боялся он своей тётки, как огня. На дворе об этом все знали и удивлялись.

К великому облегчению Ванюшки, Царь ушёл. Но вслед за ним со скучающим видом ушла домой и Фроська, даже не взглянув на Ванюшку, хотя он вертелся перед самым её носом.

ОБЪЯВЛЕНИЕ В ГАЗЕТЕ

ТИПКА-ЦАРЬ был озабочен. Намечалась в его жизни крутая перемена. Предстояло Царю вскоре пойти в люди.

Был Типка круглый сирота. Воспитывала его тётка Иваниха. Хотя с той поры, как случился пожар в деревне, унёсший на тот свет родную сестру Иванихи — мать Типки, прошло уже много лет, о пожаре Иваниха ни на один день не забывала. Ходила она по квартирам сердобольных купчих и чиновниц собирать на «погорелое место» и на «сиротскую долю», сдавала в своей комнате на нижнем этаже углы и койки одиноким жиличкам. Тем Иваниха с Типкой и кормилась.

Порой Иваниха сама напоминала Типке:

— Своими руками, родимый, тебя, несмышлёныша, из огня вытащила...

Показывая свои сухие, сморщенные руки, изуродованные застарелыми белесыми рубцами от ожогов, добавляла:

— Сама, как кудель льна, пылала. А бог-то милостивый — не дал твоей душе младенческой погибнуть. И меня из огня вывел...

Больше к своему рассказу о прошлом Иваниха не добавляла ни слова.

Типка, в меру своих сил, тоже помогал тётке. Когда был поменьше — ходил вместе с ней по «благодетелям». А в последние годы всё чаще навещался Типка в Коммерческий порт Галерной гавани,

где порой перепадала таким же, как и он, подросткам, случайная работа.

Пробовала его Иваниха устроить торговать газетами, но ничего из этого не получилось. Обычно смелый и боевой на улице и дома в Скобском дворце, Типка с пачкой газет в руках терял дар речи. Другие ребята, его ровесники и даже помоложе, промышлявшие торговлей газетами, бегали, как оглашенные, по улицам и громко вопили о разных происшествиях. А Типка ходил с пачкой газет в руках и только хмурился. Не оказалось у него «торговой жилки», за что Иваниха с большой горечью не раз попрекала его.

Типка и сам понимал, что он всё более и более становился в тягость тётке. Одна она ещё могла кое-как прокормиться, а вдвоём ей становилось не под силу. Неизбежный разговор тётки с племянником состоялся уже давно. Царь не возражал пойти в люди. Он вообще ни в чём не возражал тётке. Но куда Иваниха ни заходила с Царём — встречала их неудача. Одним не нравился суровый, непокорный характер, другим требовался паренёк «на побегушки» более старшего возраста. Определить Царя в люди Иванихе всё не удавалось.

И вот на днях вечером, когда они сидели у себя в комнате за колченогим столом и ели холодец с картошкой, Иваниха загадочно намекнула племяннику:

— Надоумили меня благо-

детели... Помогли в газету мою кровную просьбу изложить... Бог даст, возьмут тебя, Типушка, к себе хорошие люди...

От такого намёка Типка, поперхнувшись куском холодца, сразу насторожился. Окончив недавно два класса начальной городской школы, Царь умел читать. Разбирался он и в газетах, на последних страницах которых печатались чуть ли не вершковыми буквами объявления о продаже домов, магазинов, лошадей, собак... Теперь, по словам Ивани-

хи, в газете должно было появиться объявление и о Типке.

На этот раз, пригнав Царя домой, Иваниха, очень взволнованная, сунула ему в руки «Петроградскую газету», которую она где-то по знакомству достала.

— Читай!.. — коротко приказала тётка. Сама она не знала грамоты.

На предпоследней странице, среди других объявлений, Типка громко прочитал Иванихе:

Дорогие наши благодетели! Окажите Божескую помощь безродно-

му сироте-отроку Антипу Царёву. Не дайте ему умереть с голоду!

Помогите, Христа ради, устроить его в люди на какую угодно работу.

Живёт горемыка-сирота у престарелой тётки, его возрастившей, которая сама не имеет средств для своего пропитания...

В конце следовал адрес Скобского дворца и фамилия тётки.

Хотя подобные объявления — призывы о помощи встречались в газетах почти ежедневно, Типке сразу же стало не по себе. С немым уко-

ром он посмотрел на сморщенное лицо Иванихи, которая, выслушав объявление, истово перекрестилась перед иконой.

Сразу же подобрев, она погладила Царя по голове и заплакала. Всё же Иваниха любила племянника, любила по-своему.

ВАНЮШКА, утром выйдя на двор, удивился: словно глухая стена выросла между ним и остальными скобарями; никто не подходил к нему, не заговаривал. Все смотрели на него хмуро и враждебно.

Только один Кузька-Жучок — верный и преданный слуга — подошёл и, озираясь по сторонам, дружески предупредил:

— На тебя Царь запрет наложил.

— Чего?.. — переспросил Ванюшка, вытаращив глаза и не веря своим ушам.

— Запрет.

— Это что такое?

— Кто с тобой заговорит или примет в компанию, по морде получит.

— Это почему же?

Жучок неопределённо пожал плечами и отошёл от Ванюшки.

Подойдя к забору, Ванюшка заметил начертанную углём надпись:

СМЕРТЬ ЧАЙНИКУ!

Под надписью были изображены череп и грудa костей.

Ванюшка побледнел... Нe смотря на все валившиеся на него в последнее время неудачи, Ванюшка умирать ещё не

хотел. Озлобившись, он нашёл брошенный у забора уголёк, огляделся по сторонам и, убедившись, что за ним никто не следит, тщательно стёр последнее слово и написал другое. Теперь надпись гласила:

СМЕРТЬ ЦАРЮ!

Больше на дворе Ванюшке делать было нечего. Он ушёл из Скобского дворца, захватив с собой не только найденный у забора уголёк, но и кусок мела из бильярдной в чайной. Он решил мстить теперь Царю на каждом шагу, чтоб об этом знал весь белый свет.

Шёл он по улице не спеша. Был осторожен и зорко следил по сторонам, чтобы какой-нибудь ловкач дворник не захватил его врасплох. И где теперь ни проходил Ванюшка, на заборах, на стенах домов и фабричных корпусов оставлял он заметный, красноречивый призыв:

СМЕРТЬ ЦАРЮ!

Израсходовав свои орудия мести до мельчайших кусочков, Ванюшка немного успокоился. Ушёл он далеко от дома. Бродил по улицам Петрограда долго, пока не запротестовали ноги и не повернули Ванюшку обратно домой.

И уже на своей улице Ванюшка увидел городских. В белых кителях, тяжело шаркая сапогами, шли они по двое по каждой стороне улицы и насторожённо озирались по сторонам, словно ожидали, что кто-нибудь стукнет их по голове кирпичом.

Вдали массивной каменной глыбой возвышался над всеми постройками Скобской дворец. Рядом — единственный на всей извилистой улице жилой сосед Скобского дворца — Моторный дом. В нём жили союзники, а порой и враги скобарей — гужеды. Прозваны они были так ещё в незапамятные времена, когда на более обширном дворе Моторного дома находились конюшни.

Не доходя до Скобского дворца, Ванюшка увидел конный наряд полиции. Городовые ехали медленно, помахивая нагайками. Рыжеватой масти откормленные кони их лоснились, сердито грызли удила и громко цокали по пыльному булыжнику.

Никак Ванюшка не предполагал, что его призывный клич, запечатлённый на заборах и стенах домов, подымет в этот день на ноги не только весь Суворовский участок полиции на

Васильевском острове, но и всё охранное отделение. Сообщение о смелом революционном призыве к кровавой расправе над священной особой государя-императора стало известно даже в Зимнем дворце.

Шёл Ванюшка спокойно домой, удовлетворённый своей мезью, и не подозревал, какие события вскоре последуют не только на дворе Скобского дворца, но и у их соседей-гужеедов.

Колька с Мойки и Колькины двойки

Ты не знаешь Кольку
с Мойки?

В дневнике у Кольки
двойки...

Ходит в школу много лет,
а других отметок нет!
Он учиться лучше может,
но привык одно и то же
Колька всем твердить всегда:
«Двойка?»

Двойка, —
ну и что же,
а какая в том беда?»

В классе шепчет он соседке:
«Разве двойки не отметки?..»
С двойкой крепко дружит он.
Но совсем недавно Колька
лёг в постель
и видит сон...

Будто он идёт по скверу,
в сквере видит тётю Веру.
На отростки наступая,
тетя Вера, торопясь,
не стрижёт кусты —
ломает
и бросает
ветки в грязь.

Колька крикнул:
«Тётя Вера,
что останется от сквера?»
«Не кричи,
ленивец с Мойки.

Я не порчу, Колька, сквер —
я работаю

на двойку,
я с тебя беру пример!..»
Колька к милиционеру
не бежит — летит по скверу.
Только к милиционеру

ни проехать,
ни пройти:

«ЗИЛы»,

«Волги»

возле сквера —
загорожены пути!

А регулировщик в будке
вслух читает прибаутки
да усы рукою гладит...

Колька — к будке:

«Дядя,

дядя,

неисправен светофор —
красный,

жёлтый,

что за шутки, —

он мигает до сих пор!

Что не примете вы мер?

Вы же милиционер!»

«Не учи,

ленивец с Мойки, —
буркнул

милиционер, —
регулирую

на двойку,
я с тебя беру пример!..»

Колька просто сам не свой
прибежал к себе

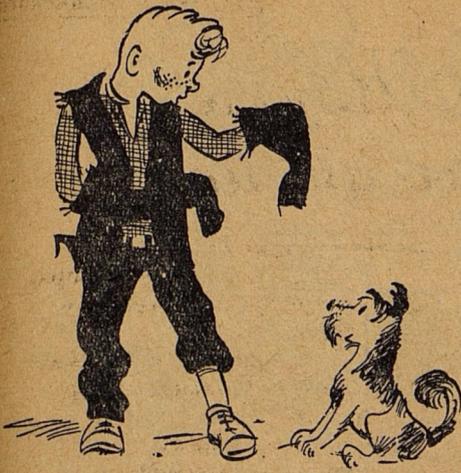
домой:
«Дай-ка мне поест, бабуся!»
Подаёт бабуся

гуся...

«Ой, бабуся,
в перьях гусь!

Убери его...

Боюсь!..»

Смотрит бабушка на Кольку,
хмурит брови не к добру:
«Жарю,

парю я —
на двойку,

Всё с тебя пример беру!
А теперь вставай-ка, внучек,
в ателье пойдёшь со мной.
Мы с тобой костюм получим,
сшил тебе его портной!..»
Вышел Колька от портного
и бегом к портному снова:
«Книгу жалобную нам!
Весь костюм ползет по швам!»

«Ах,

да это ж Колька с Мойки,—
грозно мастер закричал, —
шью,
порю теперь —

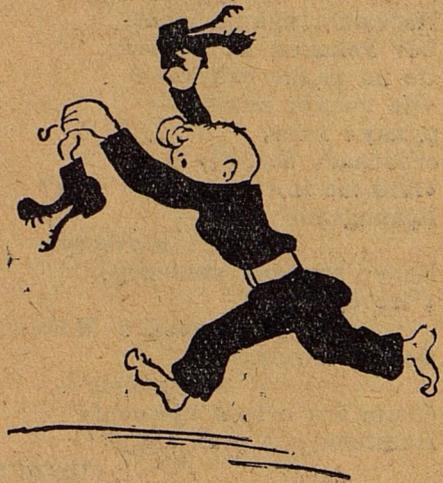
на двойки,
а с кого пример я взял?!
Ишь, какой нашёлся «чиж»!
Отвечай,
чего молчишь?»

В парикмахерскую Коля
зашагал — и тут беда,
снова Коля недоволен:
«Так не стригли никогда,
мне причёска не к лицу —
обкорнали, как овцу!»

Парикмахер Кольке с Мойки:
«Ну и что же? — говорит. —
Я стригу теперь

на двойки,
сам три дня уже не брит».

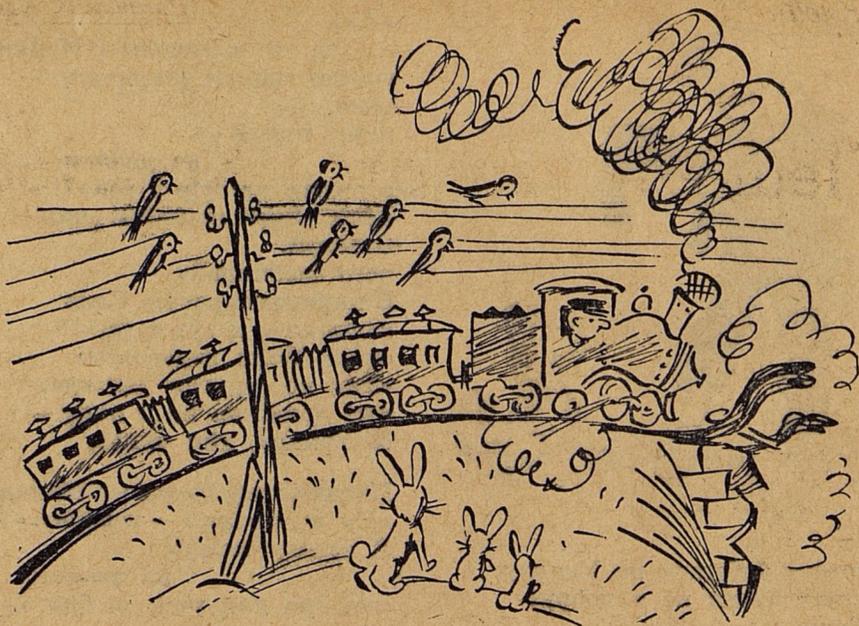
Колька вымолвил со вздохом:
«Кое-как работать плохо...»

Зашагал ленивец к дому —
отлетели каблуки.
В горле что-то встало комом,
сжал от злости кулаки:
«Их вчера чинил сапожник,
разве так работать можно?»
А сапожник тут как тут:
«Не взъщи, на двойку труд!»

Колька плачет:

«К деду
в среду
я из города
уюду.

Здесь мне жить
 терпенья нет!»
 Побежал, купил билет.
 Вот ленивец на вокзале.
 Но по радио сказали:
 «Не поедут поезда —
 рухнул мост,
 стряслась беда!!!»
 «Кто же мост построил этот?
 Бракоделов всех —

к ответу!»

Вдруг заходит инженер:
 «Что буянишь,
 Колька с Мойки?
 мост-то строили

на двойки —
 брали мы с тебя пример!»
 Подмигнул и стал вдруг

строже:

«Что молчишь, иди сюда...»

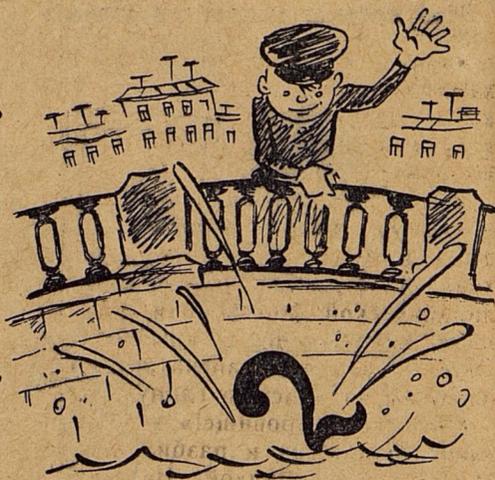
«Двойка,

двойка, —

ну и что же,
 и какая в том беда?!»

Весь в поту проснулся Колька
 и не спал потом нисколько,

до утра всё думал он:
 «Вот так штука! Вот так сон!»
 И решил он: лень — в помойку,
 двойку — в Мойку!
 Утопить!
 Если делать всё на двойку —
 Дня на свете не прожить!

Пещеры, золото, Христос

В СКАЛИСТОЙ местности Вади-Кумран, близ берега Мёртвого моря, у юноши пастуха Мухаммеда эд Дибя из арабского племени та-амире пропала коза.

Мог ли он предположить, что с этого незначительного эпизода начнётся история одного из величайших открытий современности, о котором только за первые десять лет учёные разных стран напишут 2595 книг и статей, а журналисты — бесчисленное множество очерков и репортажей!

Мухаммед не досчитался козы при перегоне стада через гористую часть Иудейской пустыни, недалеко от города Иерихона. Отправившись на поиски козы, юноша набрёл на чёрное отверстие в скале: перед ним колодезем уходил вниз почти отвесный вход в пещеру. Не провалилась ли туда коза? Мухаммед стал бросать в темноту камни — из глубины донёсся звук разбиваемых глиняных горшков. Конечно, Мухаммеду сразу припомнились сказки и предания о заколдованных складах в глиняных горшках. Юноша полез в пещеру.

Привыкнув к сумраку, он увидел и впрямь какие-то глиняные сосуды, только необычные, таких в обиходе не встретишь — высокие, цилиндрической формы, они напоминали коконы, но с крышечками. Один из них был запечатан чем-то похожим на красную глину.

«Вот оно, сокровище!» — обрадовался Мухаммед и разбил запечатанный сосуд палкой. Но внутри оказались только ветхие куски кожи, исписанные каракулями и свернутые в свитки. «Что ж, пригодится и это, — решил юноша. — Нарезу ремней подвязывать сандали». И он забрал кожу домой...

Весной 1947 года несколько бедуинов, прибывших в город Вифлеем, предложили одному торговцу древние рукописи за 20 фунтов стерлингов (около шестидесяти рублей). Тот повертел кожи в руках, пожал плечами и отказался платить хорошие деньги за пыльную рвань. Но бедуинов пригласил к себе митрополит Афанасий, настоятель монастыря, решивший пополнить монастырскую библиотеку, и купил рукописи за 50 фунтов.

Предприимчивый священнослужитель не прогадал: через два года в Нью-Йорке он потребовал за эти рукописи миллион долларов!..

Сам отец Афанасий древними языками не владел. О ценности рукописей он узнал от учёных, которым показал свои приобретения, — от профессора Е. Л. Сукеника из Иерусалимского университета и молодого американского востоковеда Джона Тревера. Они-то первыми и сообщили миру о замечательных находках. Началось обследование всего района в поисках новых пещер с такими же рукописями. В этих поисках бедуины соревновались (и, надо признать, весьма успешно) с археологами. Пришлось оцепить район войсками.

Всего в этом районе было обнаружено 11 пещер со свитками и ещё несколько поодаль. В пещерах удалось собрать остатки примерно 600 рукописей, но в хорошем состоянии из них оказалось только 11, остальные дошли до нас в виде 40 000 мелких клочков — бедуины приносили их на продажу в папиросных и спичечных коробках.

Сложное дело обработка кумранских находок. Слипшиеся свитки неизменно трудно развернуть, не попортив текста. Ещё больше хлоп-

пот с обрывками. Специальными увлажнителями, не смывающими чернил, учёные придают этим сохшимся, покоробленным, морщинистым кусочкам гибкость. Затем с них удаляют грязь и известковые наслоения. Выворачивая и распрямив, зажимают между двумя стёклышками. Учёные бродят вдоль длинных столов, подбирая подходящие друг к другу мелкие и мельчайшие клочки в стеклянных футлярах, складывая буквы в слова, слова в предложения, терпеливо собирая по крупицам драгоценные тексты.

Это очень кропотливый, медленный труд. Документ, найденный в одиннадцатой пещере и свёрнутый в маленький тугой свиток — он похож на почерневшую сигару, — до сих пор ещё не развернут и не прочтён...

Что же заключается в этих рукописях? Что придало им такую огромную ценность?

На дряхлой коже свитков, извлечённых из кумранских пещер, были записаны главы библии. И свитки пали на чаши весов давнего, острого и по сей день не угадываемого спора. Спора о библии.

Первая часть библии — Ветхий завет — считается священной книгой у всех верующих христиан (католиков, протестантов, православных), а также мусульман и евреев. Церковники всех мастей учат, что текст Ветхого завета свят и незыблем потому, что эта книга ниспослана богом. Каждое слово в ней — святая истина, ибо оно «от бога».

Учёные атеисты (безбожники), понятно, не

верят в «святость» библии, в её «божественное» происхождение. Они считают, что библейский текст — это собрание старинных летописей, речей ораторов, а также преданий, сказок, изречений, передававшихся в народе из уст в уста, записанных в разных местах, в разное время, разными людьми. Людями, а не богом.

Спор о библии затянулся. Но ни та, ни другая сторона не располагали такими доказательствами, которые бы раз и навсегда положили ему конец.

Находка в кумранских пещерах несказанно обрадовала церковников.

— Вот оно, слово божье! — надменно заявили они учёным. — Не можете же вы сомневаться в древности и подлинности этих рукописей.

Рукописи и в самом деле оказались очень древними. Пригляделись к ним учёные и ответили:

— Нет, они не от бога! Сами посудите, зачем бы понадобилось богу «ниспослать» людям несколько различных изложений своего учения? Что ни свиток, то новый вариант! Эти документы как раз и подтверждают нашу мысль: библия — дело рук человеческих, она создавалась разными людьми в разных местах, в разное время. Видите, уже в древности существовал не один вариант, а множество...

Тогда посрамлённые богословы раскрыли свой главный козырь.

— Вы отрицаете существование Иисуса Христа, — сказали они учёным-атеистам. — А что вы скажете, когда прочитаете вот этот документ, найденный в пещере семи свитков?

Текст и вправду любопытный. В нём повествуется о вражде между «сынами тьмы» и «сынами света». «Нечестивый жрец» жестоко преследует «праведного учителя», «чтобы в своей неудержимой ярости погубить его».

«Праведный учитель» погиб мученической смертью. После этого «сынами света» стали руководить двенадцать наиболее видных его последователей.

Среди кумранских рукописей нашлись и отрывки, составленные от имени самого «праведного учителя»...

— Да ведь это же Иисус Христос! — воскликнули богословы. — Древний свиток рассказывает о «праведном учителе» точь-в-точь то же самое, что мы знаем из еванге-

лия о жизни Христа: про его новое религиозное учение, про мученическую смерть, про двенадцать учеников — апостолов. Значит, Христос существовал!

А вот эти отрывки, в которых «праведный учитель» фигурирует в первом лице, выходит, написаны самим Иисусом Христом!

Вероятно, на этом основании митрополит Афанасий и заломил в Нью-Йорке такую неслыханную цену за рукописи. Разве прикосновение божье не стоит миллиона долларов?

Легко представить, какие толпы журналистов и фоторепортёров хлынули в окрестности Иерихона, когда там близ пещер начались раскопки посёлка, в котором жили древние владельцы рукописей. Шутка ли — в этих хижинах жили Христос и его ученики, сидели за этими столами, совершали омовения в этих ваннах! Газеты и журналы, близкие к церковным кругам, захлёбывались от умиления...

И вот всё рухнуло. Ладан и фиамм рассеялись. Раздались трезвые голоса учёных, стоящих на почве фактов.

Рукописи были упрятаны в пещеры действительно в I веке нашей эры. Но они были положены туда уже изрядно потрёпанными. Значит, написаны они были не в I веке нашей эры, а гораздо раньше. Когда же?

В той самой рукописи, где идёт речь о «праведном учителе», упоминается и нашествие чужеземцев, при котором погиб «нечестивый жрец». У этих чужеземцев почитаются «значки» — но ведь именно так римляне называли знамёна своих легионов, действительно пользовавшиеся почитанием. Чужеземцев этих возглавляют «вожди». Если бы рукопись была составлена в период римской империи, то автор писал бы о «царе», а не о «вождях». Значит, в Риме ещё была республика. Она пала в I веке до нашей эры. А Христос, по евангелию, родился уже в период империи.

Значит, сведения о жизни и смер-

ти «праведного учителя» были записаны задолго до рождения Христа, примерно лет за 150—200 до него.

Но этот персонаж действительно очень напоминает фигуру Христа! Многие подробности и в самом деле совпадают! Что же, было два Христа, что ли? Напрашивается естественное объяснение: вот ещё один источник, откуда первые христиане черпали подробности, создавая миф о Христе.

Стало быть, сведения о «праведном учителе» не подтверждают исторической достоверности главного евангельского образа — Иисуса Христа.

Наоборот, они опровергают достоверность этого образа: кто же поверит в то, что этот образ отражает реальную историческую фигуру, если у него отыскался гораздо более древний прообраз.

И вот теперь те самые богословы, которые уверяли, что «праведный учитель» и Христос — это одно и то же лицо, из сил выбиваются, чтобы доказать, что между «праведным учителем» и Иисусом Христом нет ничего общего. Поистине «неисповедимы пути господни!..»

А журналисты и репортёры, растрюбившие на весь мир о поразительном двойнике Иисуса Христа, постарались быстренько переключить внимание читателей на новую сенсацию Кумрана: тайну медного свитка. Этот насквозь прозеленевший рулон был найден археологами в третьей пещере в 1952 году. На поверхности его как будто проступали слова, врезанные на внутренней стороне: «четыре локтя... четырёхреста... второй... копай на шесть локтей...» Неужели это запись местонахождения клада? Неужели сбылось предчувствие Мухаммеда

эд Дибя, первым проникшего в кумранскую пещеру?

Только в 1956 году удалось распилить свиток на отдельные полосы и прочесть. Да, свиток и впрямь содержал опись сокровищ, упрямых последователями «праведного учителя», с точными указаниями шестидесяти мест, где они зарыты. Сокровища состояли из драгоценных изделий и слитков золота и серебра общим весом более 150 тонн! В переводе на современные деньги — это около 200 миллионов рублей.

Тотчас во все указанные в свитке места были брошены войска. За ними направились археологические экспедиции, и туда же хлынули толпы искателей лёгкой поживы. Экспедиции работали несколько лет. И вот свежие результаты: во всех указанных местах — пусто.

Куда девались сокровища — никому неизвестно. Одни считают, что их и вовсе не было (но тогда зачем было гравировать на меди текст?), другие — что сокровища разграблены позже (во всех шестидесяти местах? А свиток не развернут!), третьи — что владельцы перепрятали сокровища в другие места. Куда?..

Всё это, конечно, интересно. Очень интересно. Но как бы ни старались западные журналисты ослепить читателя блеском призрачных сокровищ, им уже не удастся затмить ставшие опасными строки кумранских рукописей. Для нас они-то и есть настоящие сокровища, гораздо более ценные, чем те, что не найдены в заветных местах. Ведь древние свитки открыли нам правду об истории библии, о формировании христианской религии и о многих других, не затронутых здесь вещах.

А правда дороже золота и серебра.

Спортивный калейдоскоп

ЗАБЫТЫЙ РЕКОРД

Слышали вы о соревнованиях по прыжкам... с места? Не слышали. А было время, когда за такие прыжки вручались золотые олимпийские медали. С тех пор минуло почти полвека. Об удивительных прыжках и рекордах многие забыли. И вот совсем недавно известный прыгун из Исландии Эйнарссон попытал счастья в прыжках в высоту с места. Эйнарссон прыгнул неплохо — на 175 сантиметров. Каково же было удивление исландца, когда выяснилось, что он побил старинный рекорд норвежца Эванта! Правда, всего на один сантиметр...

ЗАВЕЩАНИЕ БОЛЕЛЬЩИКА

Один маленький футбольный клуб в Лондоне вдруг обрёл широкую известность. Он прославился не игроками, а... болельщиками. Один из них оставил необычное завещание. Неукротимый болельщик про-

сил сжечь его в крематории, а прах развеять по полю любимого клуба.

ЧЕРЕЗ СКАКАЛКУ

Обыкновенная скакалка, с которой играют дети, полвека назад была главным предметом на спортив-

ных соревнованиях. Участники состязались в том, кто больше подпрыгнет со скакалкой без перерыва. Лучший результат в мире — 2044 прыжка — до сих пор не побит.

«АСТРОНОМИЯ» И ФУТБОЛ

История футбола знает необыкновенный случай. Однажды, во время матча двух аргентинских команд был зафиксирован счёт 102:0! Такой «астрономический» результат объяснялся просто — игроки одного из клубов обиделись на судью и устроили «забастовку» на поле. Их

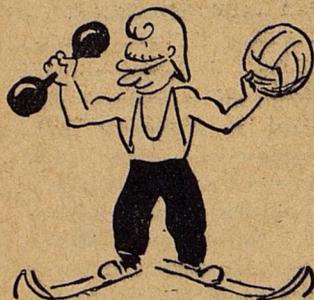
соперники не замедлили воспользоваться этим обстоятельством.

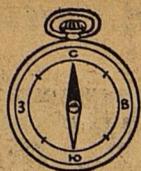
СЕКРЕТ БОКСЁРА

Негритянский боксёр Арчи Мур много лет выступает на ринге. Он чемпион мира среди профессионалов. Репортёры и болельщики знают об этом спортсмене всё, кроме возраста. Мур, которого уже прозвали «дедушкой», тщательно скрывает свой год рождения. Ведь кулаками он зарабатывает себе на жизнь, а если боксёрские власти узнают, что Муну уже за пятьдесят, то ему грозит спортивная отставка и нищета.

САМАЯ СПОРТИВНАЯ ПРОФЕССИЯ

Какая профессия самая спортивная? В Швеции на этот вопрос не задумываясь ответят — пожарник. В самом деле, пожарники выступают почти во всех сборных командах этой страны.

Вестница весны

Когда в городе появляются первые свежие цветы? Ну, конечно, к 8 марта, Международному женскому дню. В эту пору в город к нам приходят мимозы.

Но это вовсе не те «стыдливые» мимозы, листочки которых сжимаются от лёгкого прикосновения. Наша весенняя гостья относится к другому ботаническому роду — к роду акаций.

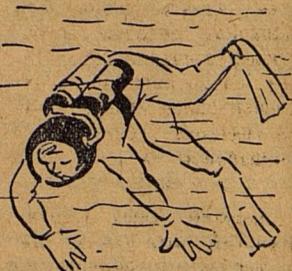
Это вечнозеленое растение из семейства бобовых является уроженкой сухих полупустынь Австралии. Там некоторые деревья серебристой акации достигают 45-метровой высоты. Ствол дерева, толщиною до

120 сантиметров, покрыт красивой серебристой корой.

К нам это неприхотливое растение было завезено более 100 лет назад. Подобно эвкалипту оно быстро акклиматизировалось и распространилось по всему Черноморскому побережью Кавказа. Теперь его можно встретить не только в садах, но и на прибрежных холмах, и даже на каменистых склонах, где не растёт никакая трава.

Цветёт серебристая акация в зимнее время, когда нет других цветов. Поэтому для нас её душистая веточка, срезанная на Черноморском побережье, — вестница близкой весны.

Вначале всё шло отлично. С сопровождающего судна регулярно сообщалось, что Балтазар плывет в хорошем темпе... Но вдруг радио передало сигнал о том, что пловец потерялся. В воздух поднялись гели-

коптеры. Скоро Балтазара обнаружили. Это и спасло ему жизнь.

Вот что рассказывали присутствовавшие при заплыве корреспонденты: «Абсолютно изнемождённый — таким был американский пловец, когда водолазы с сопровождающей лодки вытащили его из воды. Балтазар уже ничего не видел и поэтому потерял ориентировку, плыл назад, в сторону французского берега. Ещё немного, и он потерял бы сознание».

И всё же американский спортсмен установил своеобразный мировой рекорд. Он проплыл 16 миль (25 километров) под водой за 13 часов 3 минуты. Только 10 миль отделили его от заветного английского берега!

25 километров под водой

ПОПЫТКИ преодолеть вплавь Ламанш — пролив, разделяющий Францию и Англию, — предпринимались неоднократно лучшими пловцами Европы и Америки. Немногим удавалось стать победителями в борьбе с бурными водами пролива. Американец Фред Балтазар решил затмить всех своих предшественников. Газеты задолго

до старта сообщили, что «американец переплывёт пролив под водой...»

Ранним утром на мысе Грин-нэ появился пловец, окружённый огромной свитой репортёров и болельщиков. 37-летний американец вошел в воду в каучуковом скафандре со специальными кислородными баллонами, которые заменялись через каждые сорок минут.

...земной шар, под воздействием Луны и Солнца, как бы дышит. Его кора на отдельных участках то поднимается, то опускается. Например, Подмоскovie вот уже в течение около 600 миллионов лет непрерывно опускается. Венеция, в результате опускания почвы и повышения уровня моря, каждые десять лет погружается на 5 сантиметров в воду.

...кукуруза является одной из наиболее распространённых сельскохозяйственных культур. На земном шаре ею занято около 120 миллионов гектаров. По посеваем площадям она уступает только пшенице, занимающей более 200 миллионов гектаров. Третье место принадлежит рису.

...свежий гриб боровик белогий питательнее лука, моркови и капусты, а сушеный почти в два раза калорийнее яиц и варёной колбасы. Бульон, приготовленный из сухих белых грибов, в семь раз питательнее мясного бульона.

Знаешь ли ты, что?

...за 5 миллиардов лет своего существования Земля сделала 10 миллиардов оборотов вокруг своей оси.

...в тропических лесах, где не существует смены времён года, деревья не имеют годовых колец.

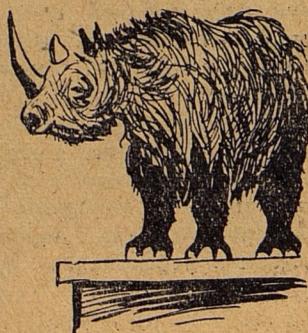
...человек, находящийся на Северном полюсе, стоит на 21 километр ближе к центру Земли, чем человек, находящийся на экваторе.

...в Родезии (Африка) найдены остатки самого древнего дома в мире. Находка эта принадлежит английскому палеонтологу Дж. Кларку. Найденные остатки небольшого каменного строения (состоящие из четырёх стен, двери и крыши) по определению учёного имеют возраст в 57 тысяч лет.

...в результате новейших исследований учёные выяснили, что возраст самых древних горных пород исчисляется в 4 500 000 000 лет. По-видимому, это и есть наиболее вероятный возраст Земли.

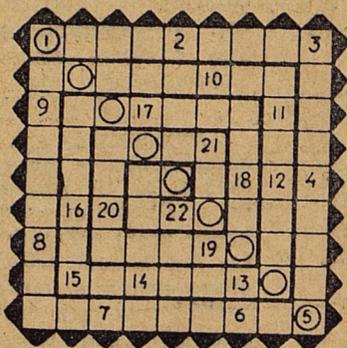
...одна шестая часть всей площади нашего города занята водой. По количеству воды Ленинград занимает второе место в Европе (после Амстердама). Сейчас в нашем городе насчитывается 621 мост, а в ближайшие годы к ним прибавятся ещё 15 новых. Интересно, что даже в Венеции, расположенной на 118 островах и имеющей 160 каналов, мостов только 469.

...на выставке Зоологического института Польской академии наук, устроенной в Кракове, выставлен косматый носорог, найденный в Сторуни. Обычно находили отдельные кости носорогов, а в Сторуни было найдено всё животное целиком. Даже в желудке косматого носорога обнаружены остатки пищи, съеденной 50 000 лет назад.

ЛИТЕРАТУРНО-МУЗЫКАЛЬНЫЙ ЧАЙНВОРД

(Составил И. Бабан-Луценко, Ленинград)

1. Выдающийся русский композитор, музыкальный педагог и дирижёр.
2. Песня, посвящённая героическому прошлому русского флота.
3. Великий немецкий поэт.
4. Русский поэт, автор сказки «Конёк-Горбунок».
5. Известный английский дирижёр, пропагандист советской и русской классической музыки.
6. Французский композитор, автор оперы «Лакме».
7. Выдающийся немецкий композитор.
8. Русский музыкальный критик и композитор, автор оперы «Юдифь».
9. Опера П. И. Чайковского.
10. Духовой медный инструмент.
11. Музыкальный звук определённой высоты.
12. Выдающийся узбекский писатель XV века.
13. Известный советский писатель-сатирик, соавтор Е. П. Петрова.
14. Русский поэт, впервые переведший на русский язык «Фауста» Гёте.
15. Один круг в танце.
16. Современный немецкий писатель.
17. Произведение Байрона.
18. Равномерное чередование музыкальных

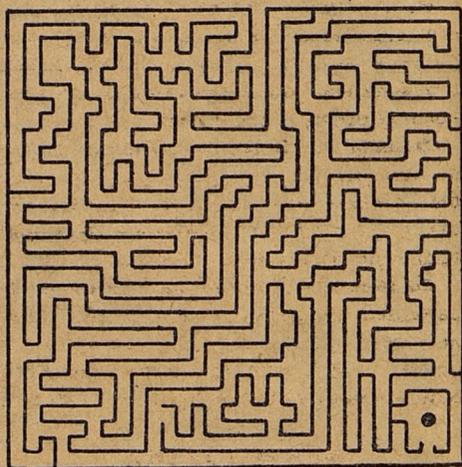

звучков. 19. Произведение А. Куприна. 20. Прогрессивный турецкий писатель, лауреат Международной премии Мира. 21. Белорусский советский поэт. 22. Вид современного искусства.

Правильно вписав значение этих слов, вы прочтёте в выделенной диагонали фамилию великого русского поэта.

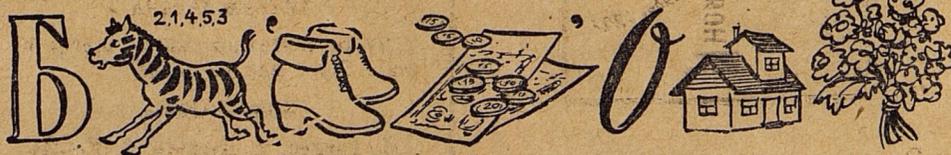
ЛАБИРИНТ

(Составил Вадим Акентьев, 190-я школа)

Найдите вход в лабиринт и доберитесь до углового зала (где поставлена точка).

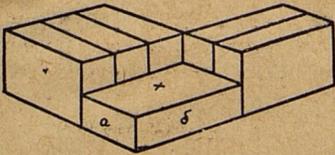
РЕБУС-ПОСЛОВИЦА

К-А

ТРИ ЗАДАЧИ

На столе лежат шесть спичечных коробков. Один из них — тот, который отмечен крестиком, — условимся называть центральным. У коробка, как вам известно, шесть поверхностей (граней). Поверхность, соответствующая той, которой центральный коробок соприкасается со столом, — нижняя, крестик поставлен на параллельной ей верхней поверхности; остальные четыре грани будем называть боковыми поверхностями. (Две из них отмечены буквами а и б.)

Рассмотрите теперь группу из шести коробков. Пять из них лежат на столе и вместе с тем соприкасаются с боковыми поверхностями центрального коробка. Проверьте.

Задача 1. Добавьте к нашей группе еще шесть коробков, но так, чтобы каждый из них одной гранью касался стола, а другой — боковой грани центрального коробка.

Задача 2. Оставив на месте центральный коробок, разместите возле него шестнадцать коробков и опять так, чтобы они касались одновременно и стола и боковой

грани центрального коробка. (Имейте в виду, что эта задача — в отличие от предшествующей и от третьей — задача-шутка.)

Задача 3. Пусть центральный коробок лежит точно так, как в первой задаче. Сколько коробков сможете вы расположить так, чтобы каждый из них касался боковой или верхней поверхности центрального коробка? Одновременное касание поверхности стола для этих коробков не обязательно.

Проверь себя

(Ответы к «Искорке» № 2)

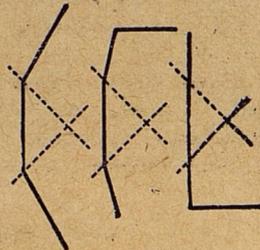
ЗАДАЧИ БУКВ

1. «Капитанская дочка». 2. «Руслан и Людмила». 3. Смольный + танец + тритон + си = «Станционный смотритель».

ПРОИЗВЕДЕНИЯ ВЕЛИКОГО ПИСАТЕЛЯ

«Кавказ», «Полтава», «Метель», «Аквилон», «Выстрел», «Жалоба», «Анжело», «Деревня», «Арион», «Осень», «Воевода», «Портрет», «Ангел», «Цветок», «Элегия», «Война», «Приметы», «Анчар», «Наполеон», «Вурдалак», «Шишкову», «Кинжал», «Истина», «Сонет».

НА ЛИСТКЕ КАЛЬКИ

Решение смотрите на рисунке.

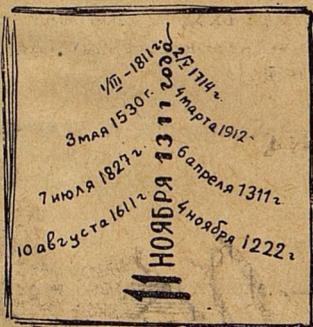
ХИТРАЯ ЗАДАЧА

Пусть спутником жизни всегда и везде будет мир на земле.

МОНОГРАММЫ

1. Гринёв. 2. Пугачёв. 3. Руслан. 4. Онегин.

РЕБУС-ШУТКА

Здесь зашифровано одно только слово... Как вы думаете — какое?

283103

СО Д Е Р Ж А Н И Е

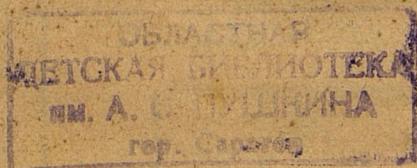
Матери. Стихотворение Леонида Хаустова	1
Сквозь метель. Рассказ Л. Днепрова	2
С рассвета — снег... Стихотворение С. Погореловского	6
Неугомонные. Очерк А. Беляковой	7
Документы вашей биографии. (Текст к фотоочерку на 2-й стр. обложки)	16
Тринадцатилетний капитан. Очерк В. Бузинова	18
Заяц. Стихотворение Лины Закс	32
Весёлые картинки	33
Соседи. Рассказ Бориса Раевского	36
Ребята из Скобского дворца. Повесть В. Смирнова	43
Колька с Мойки и Колькины двойки. Стихотворение И. Демьянова	52
Пещеры, золото, Христос. Статья Л. Клейна	55
Спортивный калейдоскоп	59
Пёстрые заметки	60
Клуб смекалистых ребят	62

На 1-й странице обложки — рисунок художника Ю. Шабанова «С праздником 8 марта!»

На 2-й странице обложки — фотоочерк «Документы вашей биографии».

На 3-й странице обложки — «С фотоаппаратом по странам мира».

На 4-й странице обложки — рисунок художника Г. Ясинского «Весна пришла!».

И. о. редактора А. А. БЕЛЯКОВА

Адрес редакции: Ленинград, центр, Фонтанка, 57 (вход с Торгового пер. 1)
Тел. А 4-54-90

Сдано в набор 12/II 1962 г. Подписано к печати 19/III Зак. № 281. 4 печ. листа
М-01133. Формат бумаги 70 × 108¹/₁₆. Цена 10 коп. Тираж 75 000.

Типография имени Володарского Лениздата. Ленинград, Фонтанка, 57

ЭТОТ уснувший прямо на панели человек — один из десятков миллионов безработных. В газетах, которые служат ему подушкой, буржуазные борзописцы кричат о капиталистическом расцвете, о процветании стран, где властвует доллар. Но этот японский безработный платит цену этим словам, в капиталистическом «рае» у него нет ни кровя, ни работы, ни хлеба.

Но в тех же газетах всё чаще прорываются и тревожные нотки. Буржуазные писаки обеспокоены тем, что народы многих стран встают на борьбу за лучшую долю, за свободу, за счастье.

И вот в столице Доминиканской Республики городе Санто-Доминго поли-

цейские разгоняют демонстрантов, требующих отставки ненавистного им президента Балагера.

А в Париже новоявленные фашисты — «культра» — расправляются выстрелами из-за угла с теми, кто готов защищать демократические права народа, кто выступает за мир и свободу Алжира. Вот ещё у одного из домов Парижа взорвана бомба.

Но ничто не может побороть стремление народов к счастью. В Гоа пришёл конец владычеству португальских колонизаторов. Население Гоа тепло встречает индийских солдат-освободителей.

Цена 10 коп.

